

Вестник о культуре Ирана

МУРАС

*Специальный выпуск
о современной иранской прозе*

№ 28
ИЮНЬ 2022

- г. Бишкек, ул. Ашхабадская, 25 / ул. Горького
- +996 312 903 799
- raizani.ir.kg@mail.ru
- https://t.me/iran_culture_kyrgyzstan
- https://www.instagram.com/iran_culture_kyrgyzstan/
- <https://www.facebook.com/CulturalCenterBishkek/?ref=bookmarks>
- <https://www.facebook.com/parviz.ghasemi.370>
- https://www.youtube.com/channel/UCprdXoZpYgFENpOl_3Kmdlq
- <http://ru.icro.ir/bishkek>

НЭТИН КИТАП КИТАПХАНАСИ
Культурология институту
ул. Абдыканов 100/101

Выпуск № 28/ июнь 2022

Вестник о культуре Ирана

МУРАС

**Специальный выпуск
о современной иранской прозе**

Редакционная коллегия:

Бакашева Ж.К.

Байас Турал

Мамедова М.Ш.

Муриватов К.

Мазинани С.А.

Главный редактор:

Гасеми П.

Перевод на русский язык:

Мирзоев Дж.Ш.

Перевод на кыргызский язык:

Нусубалиева Э.А.

Дизайн: Нарзуллаев У.А.

Любое использование материалов допустимо при указании источника.

Оглавление

Современная иранская проза.....	6
Ваджихе Али Акбари Самани	
- Последняя остановка.....	7
- Печальная страница жизни.....	12
Шамси Хосрави	
- Разрыв.....	16
- Черви умирают в грязи.....	24
Самира Асланпур	
- Когда меня не было рядом с тобой.....	31
- Прилёт белого голубя в полночь.....	35
Фархад Хасан-заде	
- Девочка, пекущая нуттовое печенье.....	40
- Всего лишь резинка для штанов.....	46
Ибрахим Хасан Бейги	
- Фото на дереве.....	51
- Красная сирена.....	57

Почему «Мурас»?

Культурное представительство при Посольстве Исламской Республики Иран в Кыргызской Республике согласно распоряжению Центра стратегических исследований культурных взаимоотношений Организации по культуре и исламским связям с марта 2019 года начало издавать информационно-аналитический бюллетень об обществе и культуре Кыргызстана на персидском языке.

Вместе с этим, с марта 2020 года Культурное представительство начало издавать вестник «Мурас» о культуре Ирана на русском и кыргызском языках. В этом ежемесячном вестнике мы стараемся представить наиболее интересные статьи о культуре, литературе, искусстве, природных красотах, исторических достопримечательностях, достижениях современного Ирана и Исламской революции, выдающихся личностях, научных открытиях, новостях иранского кинематографа и делиться новостями о культурном сотрудничестве между Ираном и Кыргызстаном и деятельности Культурного представительства.

Мы будем рады Вашим отзывам, замечаниям и предложениям по содержанию, чтобы сделать «Мурас» лучше.

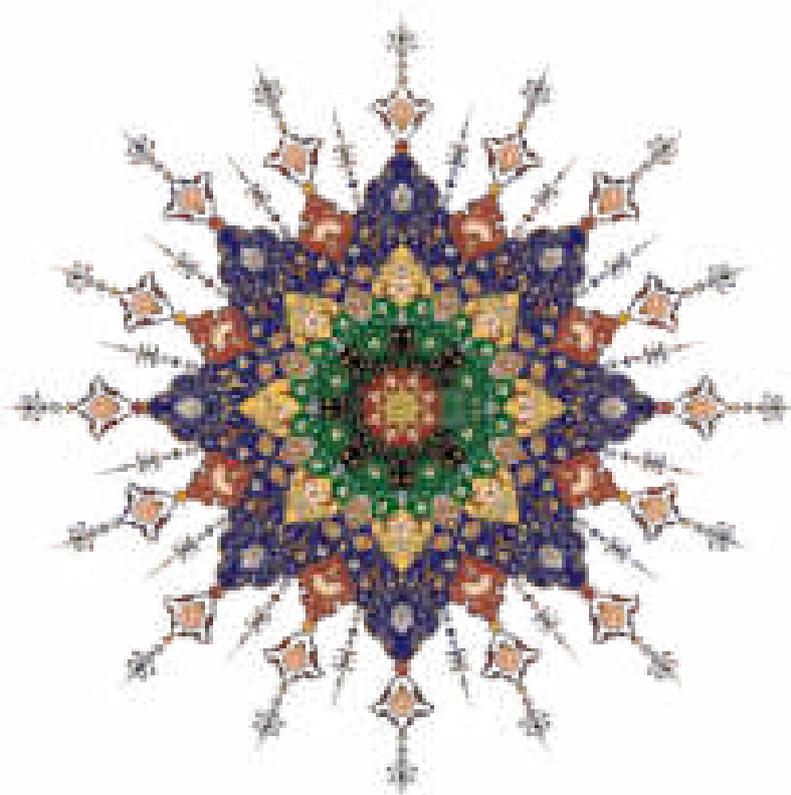
Главный редактор

Современная иранская проза

За годы, прошедшие с победы Исламской революции в Иране, для иранской литературы в целом, и особенно для прозы началась новая эпоха стремительного развития. Иранская проза изменилась и качественно, и количественно: на литературном небосклоне появилось много интересных и ярких имён. Рассказы и романы иранских писателей позволяют увидеть культуру, обычаи, быт страны глазами иранцев. Это самые разные по жанру и тематике произведения: остросоциальная проза и произведения с философским подтекстом, рассказы для юношества и женские истории, повествования о любви и вере, притчи и сказки, сатира и юмор, бытовые зарисовки, где современная жизнь иранцев предстаёт в этих текстах во всем её многообразии.

Как известно, проза — один из лучших способов детального и непосредственного знакомства разных народов друг с другом. Взаимопроникновение культур порождает понимание, любовь и дружбу между народами мира. В этой связи, особое внимание обращает на себя творчество прозаиков, писателей-женщин современного Ирана.

В этом номере мы хотим познакомить вас с прозой современных писателей Ваджихе Али Акбари Самани, Шамси Хосрави, Самира Асланпур, Фархад Хасанзаде и Ибрахим Хасанбейги в переводе Мамедовой М.Ш.

Ваджихе Али Акбари Самани

Ваджихе Али Акбари Самани родилась в Тегеране в 1976 г. В 1997 г. закончила факультет персидского языка и литературы, после чего начала профессиональную карьеру писателя, преимущественно рассказчика.

Сотрудничала с различными издательствами, вела колонку в журнале «Голос молодёжи», была членом жюри многих литературных фестивалей. Заняла первое место на фестивале «Молитва» (2003), первое место на фестивале «Пресса» (2006). Получила признание как лучшая писательница по версии журнала «Шахед» (2006).

Среди книг: «Современная литература», «Разрушенные мосты», «Аромат жасмина», «Точно сон».

Вниманию читателей предлагаются рассказы «Последняя остановка» и «Печальная страница жизни» Ваджихе Али Акбари Самани из сборника «Глаза, ожидающие тебя» в русском переводе Мамедовой М.Ш.

Последняя остановка

Он тихо сидел в уединении, развалившись в крутящемся кресле и вытянув ноги на столе. Медленно затягиваясь сигаретой, кончиками пальцев одну за другой нажимал на кнопки калькулятора, складывая цифры, вёл счета офиса.

Осенний ветерок медленно дул, проникая своей прохладой через два приоткрытых окна в комнату, лаская его голову и лицо. Он не замечал, что происходит вокруг, потому что бездумно был погружён в работу. Думал, что все нормально, как всегда, не чувствуя ничего необычного и не слыша ни звука. В комнате не было никакого шороха, что могло бы отвлечь его внимание. Был только он, он сам. Все сотрудники были заняты в своих кабинетах, и если они время от времени имели с ним какое-то дело, секретарь, с

присущей ей вкусом и изобретательностью, заботилась о них сама.

Всюду стояла тяжёлая тишина и он, как всегда, управлял этими моментами безмятежно и беззаботно. Ведь он был генеральным директором со всеми официальными регалиями.

Опустив голову, он внезапно ощутил неловкость. Странное предчувствие охватило его тело. Это было странное ощущение. Он чувствовал и в то же время не чувствовал чьё-то присутствие в кабинете. С одной стороны, ему хотелось посмотреть, кто посмел так нагло нарушить его приятное одиночество. Но с другой — не решался поднять голову, и это было странное состояние. Наконец, он осмелелся и нерешительно поднял голову.

И в ужасе увидел то, что было перед его глазами. Высокий мужчина с широкой, мощной грудью, странным лицом и глазами, которые смотрели на него с ужасом, стоял у его стола, не сводя с него глаз ни на мгновение.

Он тяжело сглотнул. Мужчина не был похож на подчинённых ему сотрудников, но кем бы он ни был, ему хотелось отчитать и отругать его за неуместное и самовольное

присутствие. Но не смог. Тот со своим величественным и внушающим страх видом застал его врасплох. Единственная фраза, которую он смог выдавить из себя, была: «Кто вы?!»

Тот кивнул и, странным образом раскрыв свои толстые и большие губы, ответил ужасным голосом без всяких пауз и колебаний: «Азраил!» (ангел смерти — прим. пер.).

Он застыл в изумлении. Его сердце было разорвано, тело замерло и вздрогнуло. Крупные капли пота потекли по краю его высокого лба. Он потерял дар речи, голос был приглушён. Ему хотелось что-то сказать, но ничего не было слышно, кроме тихого стоны, издающегося из его горла.

Азраил сделал шаг к нему и спокойно сказал: «Зря стараешься. У тебя больше нет времени. Я должен забрать тебя».

Смерть?! Он должен умереть?! Именно сейчас?! Как это могло произойти?! Нет! Это невозможно! Было совсем не время умирать. По

крайней мере, не сейчас. Теперь, когда столько жизненных сил и нечеловеческих усилий было потрачено, чтобы он достиг богатства, высокого положения и славы, обманывая бедных и несчастных людей, даже мысль о смерти была для него шуткой. Горькой шуткой, о которой он даже не думал. Нет, он не мог умереть сейчас. То есть он не должен умереть, он должен как-то объяснить это Азраилу.

Вложив все свои силы в губы, с трудом разомкнул их:

— Нет... нет... этого не может быть сейчас... то есть... совсем не время... ну, знаете...

Губы Азраила приоткрылись. Он покачал головой и, шагнув вперёд, равнодушно пожал плечами:

— С каких это пор вы, рабы, определяете время своей смерти? К тому же такой раб, как ты?

Впервые в жизни его охватил страх, подбородок задрожал, как у маленького ребёнка, а губы приоткрылись. Он задыхался от тяжёлого и бездыханного страха. Всё его тело дрожало. Он посмотрел на Азраила, который обошёл его стол и встал прямо перед ним в ожидании.

Ему хотелось убрать ноги со стола, но он чувствовал, что все его силы исчерпаны. Он не мог сделать ни малейшего движения, даже моргнуть!

Дрожащим подбородком, умоляющим голосом, наполненным горькой ненавистью, он вымолвил:

— Ещё немного... Дай мне шанс... Умоляю!

Толстые губы Азраила приоткрылись в ухмылке. Он покачал своей большой головой на своём большом теле и ответил хриплым голосом, который ещё больше усилил его страх и панику:

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы Азраил пришёл за кем-то и дал ему шанс? Я должен. Извини. Понимаешь?

Теперь он плакал. Горький рёв, переполненный болью и отчаянием,

был так силён, что у него дрожали плечи. Он снова попытался собраться с силами и на этот раз упасть в ноги Азраила и умолять его.

Но он застыл, как каменная статуя, в том положении, в каком его ноги лежали на столе. Он не мог даже пошевелить большим пальцем ноги. Тяжелое давление на его грудь с каждой минутой становилось все сильнее и сильнее. Он едва вздохнул и сказал приглушённым голосом: Хотя бы несколько минут... позволь мне написать завещание. У меня много дел... много чего не успел сделать... это же ты можешь сделать... а?

Раздался раздражённый голос Азраила:

— Все эти годы были отпущены тебе Богом. То, чего ты не сделал за все эти годы, собираешься сделать сейчас, в эти несколько минут?

Он дрожал. Азраил был прав. Он знал, что тот говорит сущую правду. Что он сделал? Ровным счётом ничего! Только грех за грехом, ошибка за ошибкой, обман за обманом, воровство за воровством не то, что под покровом ночи, а в полной уверенности среди бела дня на глазах у всех, да ещё так, чтобы никто ни к чему не смог придраться. Ровно, как и все остальные, как и все другие. Все маленькие и большие грехи мгновенно ожили на его заплаканных глазах.

Ах, а что, если он умрёт вот так, в таком жалком состоянии со всеми этими грехами без искупления?!

Он дрожал при этой мысли. Его бросило в жар. Его тело охватила чесотка. Ему хотелось кричать. Ему хотелось, чтобы всё это был сон. Ему хотелось, чтобы весь этот кошмар лопнул, как пузырь на воде, когда он приоткроет веки и увидит, что просто спали и всё...

Но нет! Азраил был готов забрать его душу, и это не был кошмар, который лопнет, как пузырь на воде в мгновение ока.

Сломленный и раздавленный, он произнёс:

— Просто позволь мне... написать строчку... строчку...

Горький, полный ужаса смех Азраила потряс все его существо. Он посмотрел на него внимательнее. Теперь вместо глаз он увидел две большие пустые черные дыры, а его рот не был похож ни на один другой:

— Представь, что я позволю тебе написать строчку. Что ты напишешь? Если ты сможешь вместить всё завещание в одну строчку, то разрешу!

Короткая, слабая радость оживила его лицо. Он тяжело сглотнул, и поспешно стал копаться в своей беспорядочной памяти... Измученное и разбитое лицо его матери появилось из узких, тёмных коридоров его разума. С такими же морщинами на лбу и под щёками, её губы всегда шепчут молитву, а глаза слезятся! Сколько времени он не видел её, месяц? Нет, больше. Последний раз они виделись, когда он заходил за документами на отчий дом. Дом?! Так он же продал его! А мать, как же она?.. О... теперь он вспомнил. Её он отправил в дом престарелых. Сказал, что ей там будет лучше. Они позаботятся о ней как надо. Весной цены на дом были самые высокие. Так что прошло ровно пять месяцев с тех пор, как он видел её в последний раз!

Кроме всего этого, сердце пожилой женщины было сильно

разбито за все эти годы, её сердце обливалось кровью! Как же он не слышал её стонов! А ведь после смерти отца всю свою молодость, свежесть и жизнь она бросила к его ногам.

Теперь, когда он хорошо подумал, понял, как он виноват перед матерью. Почему он не подумал об этом раньше? Ему было не до этого. Он был так занят, что не мог думать о таких мелких и незначительных вещах. У него были более важные и грандиозные дела. Разве легко было сделать карьеру и заработать состояние?! Он всегда думал, что когда он добьётся благосостояния, то обеспечит хорошую жизнь своей матери. Он наймёт сиделку, чтобы она круглосуточно ухаживала за ней. Позже он решил, что нанять сиделку это лишние расходы. Женщина, на которой он женился, также должна была заботиться о его матери, но...

С ней он также плохо поступил. Сколько лгал ей, сколько тайных и тёмных дел проворачивал! Какое лицемерие!

Перед его глазами на мгновение предстало и исчезло бледное лицо дочери его тёти. Как он разбил сердце этой бедняги! Ну, что делать, сердцу не прикажешь! Он не хотел её. Ну, не мог он прожить всю жизнь под одной крышей с такой безмолвной и отсталой девушкой, как она! Но почему он это понял так поздно? Многие годы эта бедняжка из-за него была объектом сплетен и наговоров, да так, что на неё пальцем показывали. А после, с каким лицом искал встречи с ней? Хотел банковским чеком купить её. Думал, тем самым восстановить её опозоренную репутацию и завоевать её сердце?

Чеки... деньги... О, с этим дела обстояли намного хуже. Какие только ложные клятвы он не давал, чтобы получить их! Каких только взяток не давал! Какие подлоги не совершал! Какие домашние очаги не разрушал! И какие сердца не заставлял дрогнуть! Деньги, деньги, только деньги! Больше

он ничего не признавал, даже ценой посрамления других!

Репутация... Он вспомнил, что недавно со своей молодой ассистенткой...

Азраил сделал шаг вперёд. С той же усмешкой, которая омрачила всё его лицо, он с сожалением покачал головой и вздохнул. Он знал этих презренных и грешных людей лучше, чем они сами. Он знал, что если бы им была дана минута или час, и даже отсрочка

длиною в их жизнь, они всё равно стали бы хуже, чем были. В противном случае, это вызвало бы удивление.

Он снова вышел вперёд. Стал ближе, ещё ближе... Теперь его высокая тонкая тень упала на его испуганное лицо, которое утонуло в море далёких фантазий. Он наклонился и посмотрел ему в глаза. Мужчина пришёл в себя, прежде чем сделать малейшее движение и сказать хоть слово, ничего не понял!

Прохладный осенний ветерок медленно дул через полуоткрытое окно кабинета, играя с разбросанными на столе бумагами. В тишине комнаты, где не было даже шороха, мужчина,

развалившись в крутящемся кресле и вытянув ноги на столе, погрузился в вечный сон с открытыми глазами...

Перевод М.Ш. Мамедовой.

Печальная страница ЖИЗНИ

Нетерпеливый мальчишка, плача и комкая чёрную чадру мамы тонкими пальцами, бросил свои резиновые тапочки на пол и пошёл за ней. Он бесконечно хныкал и постоянно что-то хотел. Слёзы ручьём текли из его глаз под костлявый подбородок. Но маленькая девочка спокойно шла рядом с мамой. Её коричневый платок был туго завязан под подбородком, а длинное цветастое платье раскачивалось в воздухе от быстрых и торопливых движений. Иногда она поворачивалась и смотрела на своего младшего брата умоляющим взглядом. Она смотрела точно беспомощный оленёнок, оставшийся один в чаще ужасного тёмного леса.

Женщина, не замечая их, ускорила шаг. Дома и люди, с которыми она сталкивалась лицом к лицу, и которые проходили мимо снова и снова, расплывались в её сознании как нечто бессмысленное. Плач и нытьё мальчика ничего не значили для неё. Они как непрерывный царапающий звук в ушах лишь нервировали её.

Голос судьи доносился издалека и с каждой минутой становился громче и громче:

— Он же оплачивает ваши расходы, сестра?

— Расходы оплачивает, господин судья. Но он аморальный тип, сквернословит и рукоприкладствует. Всё моё тело в синяках.

— Как бы то ни было, всё же он заслуживает благодарности за то, что содержит вас и детей.

— Да, но делает это с одолжением, считая, что я его рабыня. Как будто делает нам одолжение, что кормит нас! Как будто это не его обязанность! Всё время повторяет: «Не будь меня, умерли бы с голоду!»

— Нет, сестра! Очисти своё сердце. Он мужчина. Заработать на хлеб в этом городе очень тяжело. Он устаёт. Поэтому такой мрачный. Потерпи! Даст Бог, изменится.

— Клянусь, я больше не могу, господин судья! Я устала. Я готова умереть с голоду, чем терпеть его упрёки куском хлеба.

Судья, проведя рукой по плотной седой бороде и с сожалением глядя на детей, спросил:

— Если вы разойдётесь, что будет с этими невинными детьми? Вы подумали об этом?

Женщина сразу ответила:

— Да. Детей он отдаст мне с радостью, потому что у него нет ни терпения, ни лишних денег!

Судья покачал головой и заговорил прерывистым голосом:

— Не говори так, сестра! В конце концов, он отец.

— Господин судья. Разводите нас. Спасите меня. Я больше не могу этого выносить.

— Ваши родители в Тегеране?

Она кончиками чёрного платка вытерла слезы на щеке:

— Нет, уже многие годы, как мои родители покинули этот мир.

— Хорошо, разведёшься, а что будет дальше? Где возьмёшь деньги, чтобы накормить этих двоих детей? Есть ли вам где жить? Вы когда-нибудь задумывались об этом? Несмотря на драку, ругань и плохое настроение, по крайней мере, у вас есть крыша над головой, а на вашем столе кусок честно заработанного хлеба. Вы умеете что-то делать? Вы знаете такое место, где неопытной молодой женщине дадут работу, и при этом не будут злоупотреблять её доверием? Вы можете себе позволить арендовать и

оплачивать хоть какое-то жильё для себя и этих невинных детей? Сестра! Жить не очень просто, особенно в этом многолюдном и беспорядочном городе! Хорошо подумай. Если ты сейчас терпишь тяготы жизни с человеком с плохим характером, который является твоим мужем и отцом этих детей, то завтра тебе придётся пережить горечь жизни от незнакомых людей, которым всё равно. У них нет ни сочувствия, ни с о с т р а д а н и я , ни снисходительности. Женщина вспотевшими пальцами зажала под чадрой заявление о разводе. Её мучили жара и жажда. Во рту было сухо и неприятно. Она с трудом сглотнула слюну. Вырвала из ручонки сына подол своей чадры, он застонал, и это на мгновение вывело её из оцепенения. Она задумалась. Девочка повернулась и посмотрела на него усталыми и заплаканными глазами. Женщина наклонилась над мальчиком и села. Края её чёрной чадры раскинулись по земле. Уголком платка она вытерла грязные чёрные слёзы сына, которые смешались с его соплями и текли по подбородку. Она схватила его маленькие костлявые плечи и п р и т я н у л а к с е б е .

— Что случилось? Почему ты всё плачешь? Что ты хочешь?

Мальчик потёр глаза тыльной стороной ладони и огляделся. Затем он указал на продавца мороженого, у которого на плече был кожаный ремешок от ручного контейнера с мороженым, он стоял у подножия лестницы здания суда.

— Мороженое... мороженое... хочу.

Рассеянный взгляд женщины прокатился по воздуху и остановился на продавце мороженого. Она повернулась и уставилась на уставшую дочь с красными глазами, которая сидела на полу рядом с ней. Некоторое время они смотрели друг на друга, и женщина непроизвольно вздрогнула. Она почувствовала, как защемило

сердце, будто что-то оборвалось в груди и упало вниз. Женщина протянула руку и уложила растрёпанные волосы девочки под платок.

Голос мальчишки был громче прежнего:

— Я ... м о р о ж е н о е . . . мороженое... мороженое...

Женщина открыла заявление о разводе и посмотрела на дату следующего визита, затем сложила бумагу. Расстегнула молнию на своей сумке и спрятала бумагу в ней. Вытащила бумажник, открыла его, дрожащими пальцами вытащила единственную старую банкноту из кошелька в двести туманов (денежная единица в Иране — прим. пер.)!

В горле пересохло. Она опять с трудом сглотнула слюну. Поспешно вывернула содержимое своей сумки: одна монета двадцать пять туманов и две монеты пять туманов, вот и всё! Этих денег едва хватит заплатить за проезд обратно домой.

Крупные капли пота скатились со лба. Она почувствовала на себе тяжесть взгляда дочери. Не поднимая головы, она взяла банкноту вспотевшими пальцами и сжала её. С трудом, как будто на её плечи свалилась гора, поднялась. Сложив висящие края чадры, и крепко держа мальчика за руку, произнесла:

Давай пойдём домой. Завтра куплю тебе мороженое.

Мальчик застонал, его стон превратился в крик:

— Нет! Сейчас... сейчас хочу.

Девочка покорно спустилась за ними по лестнице. Все они прошли мимо мальчика-продавца мороженого, и пошли к выходу. Женщина мокрая от пота, замученная жарой и жаждой, уставшая от криков мальчика, шла, едва таща его за собой. Теперь голос судьи все настойчивее звенел ей в ухо с близкого расстояния:

— Жизнь требует расходов, сестра! И как же ты собираешься дальше прокормить этих двоих детей?

Пусть ругань, побои и сквернословие между вами, но дети имеют кусок хлеба на столе и крышу над головой!..

Они покинули территорию суда и остановились под деревом за решёткой. Плач мальчишки превратился в удушающее хныканье, крупные капли слёз медленно катились по его лицу.

Девочка с большими черными глазами посмотрела на мать, которая дрожащей рукой вытасила листок из

сумки. Женщина держала его перед глазами. На мгновение она ощутила тяжесть уродливых рук мужа на своей щеке и звук пощёчины.

Жажда не отступала, следуя за взглядом сына, устремлённым на продавца мороженого, она поспешно разорвала листок и бросила его в воду. Взяв мальчика за руку и потянув его за собой, поспешила к дому...

Перевод М.Ш. Мамедовой.

Шамси Хосрави

Шамси Хосрави родилась в Тегеране в 1972 г. Профессиональная карьера писателя началась с 1994 г. с публикацией в различных изданиях ряда рассказов.

Сотрудничала с различными издательствами, вела колонку в журнале «Современная женщина» и в ряде газет, таких как «Мир», «Известия», «Молодёжная газета» и др.

Первый сборник рассказов «Щель» был опубликован в 2006 г.

Среди книг: «Щель», «Черви умирают в грязи», «Половина апельсина» и «Южная невеста».

Роман «Половина апельсина» был признан как лучший в номинации романы для взрослых на втором фестивале «Леди культуры» (2008). Вниманию читателей предлагаются рассказы «Разрыв» и «Черви умирают в грязи» Шамси Хосрави из сборника «Жажда и огонь» в русском переводе Мамедовой М.Ш.

Разрыв

Я давно заметила его загадочные взгляды. Когда я печатала, он сидел на скамейке напротив стеклянной двери моего кабинета и смотрел на меня. Это был финансовый эксперт нашей компании. В тот день разнорабочий, как обычно, принёс мне чай. Сняв полотенце с плеча, и вытирая стол, он усмехнулся и сказал:

— Госпожа, этому господину Тамаддону очень нравится скамейка напротив.

После его ухода мои мысли запутались. Не дай бог, на пустом месте стану объектом пересудов.

Я не знала, что сказать, но в любом случае, должна была как-то объясниться с г-ном Тамаддоном. Открыв дверь, я поймала на себе его взгляды, улыбнувшись, спросила:

— У вас ко мне дело?

Он встал, поправил одежду и смиренно сказал: «Знаете, я хотел отнять у вас несколько минут».

Произнеся это, он замер в ожидании моей реакции.

Я окинула его взглядом с головы до ног. Мне сразу бросился в глаза его костюм, стоимость которого была дороже, чем вся мебель в наших двух комнатах. Опустив голову, он из-под бровей уставился прямо мне в глаза. Я спросила: «Это личное?» Он утверждающе покачал головой: «Конечно».

Его речь была благородна и возвышена. В нашей семье никто не говорил так лаконично и исчерпывающе, как он. Дразнящим взглядом он посмотрел мне в глаза. Пока я стояла в нерешительности, он сказал: «Не лучше ли позвонить позже?». И улыбаясь, поправил очки. Я одобрительно кивнула, и он сказал: «Тогда я позвоню в ближайшее время».

У меня пересохло во рту. Он попрощался, и, уходя, засмеялся.

После обеда зазвонил телефон. Это был он.

— Позвольте вам сказать. Я давно наблюдаю за вами и думаю нанести визит вашим родителям.

Я не расслышала продолжения его слов. Как будто я спала, погруженная в далёкий сон. Он на хорошем счёту в компании. Мои мысли прервал его голос.

— Госпожа, вы поняли меня? Каждое дело начинается с чего-то.

Я была в нерешительности, назвать адрес или нет? Но всё же назвала.

— Итак, в эту пятницу вечером.

— Г - н Тамаддон...

— Меня зовут Шахрияр. Спокойно можете обращаться так.

— Да. Придёте с кем-то?

— С мамой и Абу. Нужен ещё кто-нибудь?

Он снова повторил свой вопрос.

Смущённая, я сказала: «Нет. Я только хотела уточнить».

После того, как он ушёл, я взяла несколько отпечатанных писем и

пошла в комнату Сохраби. В её кабинете были люди. Я подождала. Затем я рассказала ей о случившемся. Она была ошеломлена. Она была одной из старейших сотрудников компании и хорошо знала Тамаддона.

— Он очень благовоспитанный. Он вот так просто посватался?

— спросила она и, хлопнув в ладоши, подмигнула. — Наконец-то, ему кто-то понравился.

Я засмеялась и положила письма на стол. Выходя из комнаты, я услышала, как она сказала: «Ты вытщила счастливый билет, о лучшем можно и не мечтать».

Вечером, когда я пришла домой, мама сидела на табурете во дворе и

стирала одежду. Она повернулась на скрип двери и ласково посмотрела на меня. Прядь чёрных волос упала ей на лоб. Глухо и безо всяких эмоций я сказала: «Привет, опять в таком холоде».

Мать вздохнула и продолжила тереть рукава отцовской рубашки.

— Бог в помощь, мама. Иди в дом, согрейся.

Тепло дома действует успокаивающе. Отец, как обычно, сидел у окна и курил.

— Какое густое облако! Клянусь, будет потоп.

Я переделалась и, когда чай закипел, громко позвала маму.

— Мама, чай закипел.

— Иду, дорогая. — ответила она натруженным голосом.

Я вытерла запотевшее стекло рукой и стала смотреть на неё из окна.

Она по одному тщательно прополаскивала белье, отжимала его и бросала в тазик. Когда она хотела развесить их на верёвке, отец крикнул ей: «Дождь же идёт, занеси домой».

Чтобы помочь маме, я прикрепила к стене кухни бельевую верёвку, как мы обычно делаем на зиму. Я развесила бельё на верёвке и поставила под него маленькую и большую посуду, чтобы капли не намочили ковёр, и налила маме чай.

Раздался звонок в дверь. Это была Мина, моя единственная сестра. С её приходом дом оживает. Она смеётся сама и смешит других.

Я рассказала о делах компании и то, что меня за мою ответственность и

Вернувшись в офис из банка, я услышала, как в коридоре зазвонил телефон. Пока я подняла трубку, дали отбой. Не успела я повесить трубку, звонок опять повторился. Это был г-н Тамаддон. Поздоровавшись, он предложил вместе пообедать. Я растерялась, не зная, что ответить. Он засмеялся.

— Мой старший брат — врач. Он живёт в Германии. Второй — инженер. А я, ваш покорный слуга, третий и последний ребёнок в семье, самый последний.

Сказав это, он громко рассмеялся. Я тоже засмеялась. Но меня не покидала тревога, я была в замешательстве.

— Мой отец полковник в

трудолюбие назначили старшей машинисткой. Хлопнув в ладоши, сестра одобрила моё повышение.

Тем временем, мать держала руки над огнём примуса и, смотря на них, проговорила.

— Они затекли. Зима приносит мне много хлопот.

Кончик её носа всё ещё оставался красным. Отец лежал в углу комнаты. Он покачал головой и сказал: «Согрейся».

Руки матери были красными и опухшими. Мина нахмурилась.

— Почему вы всё делаете сами? Подождите, пока мы придём и поможем. Мать села. Она хотела разрядить обстановку.

— Согрелась, дорогая. У меня всё нормально. — Она посмотрела на Мину, которая хмурилась, и добавила: — Хотя я стара и трясусь, за сотню молодых гожусь.

Каждый раз, когда её жалеют, она произносит эту поговорку и смеётся.

Мать нестарая. Но невзгоды состарили её. По её собственным же словам, её жизнь состарила.

— Я отпросился с работы.

— Хорошо, я согласна.

Когда я повесила трубку, моё лицо пылало. На глазах поднялась температура. Смущаясь, я отпросилась у начальника. Внизу Шахрияр стоял лицом к ледяному бассейну площади. Он открыл мне дверцу машины и довольный сел за руль.

отставке, а мама не бросает свою работу портнихи, хотя зрение у неё уже не то, что раньше.

Я меньше слушала, больше думала, о том, как бы мне представиться?! Безработный отец и мать, которая в юности так много работала, чтобы заработать на жизнь, что теперь все её кости болят, хоть она ещё и не стара, и у неё лёгочная астма, и

сестра, которая нянчит ребёнка после обеда, чтобы оплатить свою учёбу.

— О чем вы думаете?

Я заставила себя улыбнуться.

— Нет... Нет, ни о чем.

Тогда я утешала себя. Главное что он хочет жить со мной, выбрав меня, и этого достаточно. Мужчина или женщина не обязаны любить всю семью своего избранника или избранницы.

Мне было видно сквозь шторы, как мама провела их в комнату. Это был он с родителями. Я уверена, в переулке все в оба глаза смотрели на них. Мина заварила чай, а я стала греться, держа руки над примусом фирмы «Аладдин».

Я услышала, как его мать недовольным тоном сказала: «Ты видел их обстановку?»

Моё горло сжалось в спазме.

Мина обняла меня за голову.

— Ты плачешь? Кто знает, может отец не согласится.

Я отстранила её от себя. Отец никогда не откажется от выгодного для него предложения, ты когда-нибудь видела, чтобы он брал на себя ответственность. Ты же помнишь, как он поступил, когда я сдала вступительный экзамен? Совершенно

спокойно сказал: «Дорогая, всё, что касается расходов твоей учёбы и университета, мы берём на себя», и это были только слова.

Мина уставилась на чашки.

— Я ни в коем случае не против, чтобы ты вышла замуж. Но, знаешь, сестра, ещё древние сказали: «Голубь с голубем, а сокол — с соколом».

Мать понесла своё худощавое тело на кухню. Её лицо было жёлтым и вспотевшим. Смущённая и сбитая с толку, она прервала Мину и пристально посмотрела на меня.

— Девушка, не хочешь ли принести чай?

В переулке раздался и заглух звук мотоцикла моего отца. Мама оглядела двор и привела в порядок свою чадру.

— Мама, сколько раз я говорила, не достаточно ли надеть просто платок?

Она искоса посмотрела на меня.

— Разве это возможно?

Я переделала в купленную утром юбку-блузку и провела рукой по голове и лицу. Мина последовала за матерью в комнату. Я осторожно наполнила чашки и вошла в комнату с подносом чая в руках. Звук чашек нарушил тишину, мама смотрела в глаза матери г-на Тамаддона, которая выдавила из себя вынужденную улыбку, когда брала чашку с чаем.

В это время отец, усталый и раздражённый, вошёл в комнату, все встали в знак уважения. Я села рядом с Миной. Отец говорил о высоких ценах, о загазованности и пробках на дорогах, а Шахрияр — о своём положении в компании. Отец говорил о безработице, а Шахрияр — о квартире, которую собирался приобрести. Я была в замешательстве. Мой взгляд был прикован к маме, у которой от волнения было учащённое дыхание. Веки у неё были красные. Казалось, она злилась на что-то или была раздражена чем-то.

Я вернулась на кухню. Голос

Мины привёл меня в себя. Я убрала руку с лица. Она стояла у меня над головой.

— Не принимай близко к сердцу.

Я заплакала, она тоже.

— Вставай, вернёмся к гостям.

— Это обязательно? — прерывисто спросила.

— Конечно, надо, — с трудом улыбнулась она.

Когда я вошла в комнату, его мать пошевелилась и краем глаза посмотрела на меня, как и его отец. Я села у двери. Отец Тамаддона говорил меньше, и его слова обычно оставались незаконченными, так как наш отец имел обыкновение перебивать собеседника и болтать со всеми без исключения. Мать всё время смотрела на него. Она, должно быть, хотела предупредить его. Её взгляд был умоляющим, как у жертвенного ягнёнка.

Вскоре его отец, хлопнув по коленкам, встал, что-то сказал своей жене, на что она недовольно возразила и нахмурилась. После того, как проводили их, отец, смеясь, сказал: «Ты видела, какие они? Слава Богу. Даже их походка полностью отличается от нашей. Было бы хорошо, если бы они взяли нашу дочь. Тогда меньше бы задирали нос и стали бы повежливей».

Моя сестра сжала губы, её обидело, что когда она по обычаю пошла целовать его мать, та даже с места не сдвинулась.

Мать покачала головой: «Бедный мой ребёнок».

После обмена впечатлениями от визита гостей, мама попросила принести ей спрей. В последнее время она страдает астмой, и каждый раз, когда идёт к врачу, количество принимаемого лекарства увеличивается, а его терапевтический эффект снижается. Сестра развязала ленту и поставила цветы в вазу. Тревога и неудовлетворённость промелькнули в её глазах.

В автобусе меня охватило волнение при воспоминании о прошедшей ночи. Я не сомкнула глаз, думая о своей жизни. Меня не покидал сочувственный взгляд матери.

Когда я вышла из лифта, Шахрияр стоял спиной к окну и смотрел на лифт. Он снял очки, его глаза были опухшими, а брови были сдвинуты. На его высоком и бледном лбу появились морщины. Я поздоровалась. На этот раз он не улыбнулся, как он обычно это делал.

— Привет. Как дела? Ты в порядке? Твой отец всегда такой?

Я вопросительно посмотрела на него.

— Извини. Но ты должна знать, что гостей обычно провожают.

Я опустила голову. Действительно его отец несколько раз оглядывался назад, прощаясь, и видел

только меня, маму и Мину.

— Таков его характер. Твой отец очень расстроен?

Он вышел из себя:

— Как ты думаешь, правильно ли, что он ни разу не дал моему отцу закончить свою мысль?

Я съёжилась, помялась. Почему доля жизни некоторых людей так ничтожна? Шахрияр нетерпеливо сказал:

— Ну, мне пора. Сегодня у меня много работы.

Уходя, он посмотрел мне в глаза и произнёс:

— Мне жаль, — и добавил раздражённым тоном, — ты очень понравилась моему отцу.

Он ушёл. Я смотрела ему в след, а он шёл чуть сгорбившись. Разбитая и беспомощная, я пошла в свой кабинет.

Чтобы отвлечься, начала перебирать бумаги и письма. Что-то крутилось в моей голове и било, как кувалда.

— Твой отец всегда такой? Твой отец всегда... Твой отец... Твой отец... Твой отец...

Держась за стену, я с трудом села

— Ой! Она упала! Помогите! Г-н Тамаддон!

Сколько было шума. Я не могла заставить себя открыть веки, чтобы посмотреть вокруг. Когда я все же открыла глаза, увидела Сохраби и г-на Тамаддона. Я лежала на скамейке в служебной комнате. Г-н Тамадон хлопнул в ладоши: «Слава Богу».

Сохраби держала стакан у моего рта.

— Выпей сладкой воды.

Я, выпив несколько капель, вернула стакан и встала со скамейки:

— Мне нужно идти, у меня работа.

Шахрияр недоумённо смотрел. Сохраби подняла меня, ухватившись за подмышки.

— Нет, не надо, я могу идти. Мне лучше.

Шахрияр наклонившись ко мне сказал: «Если что-то нужно, я принесу».

Жестом руки я дала понять, что ничего не нужно и закрыла дверь. Он расстроенным взглядом проводил меня и ушёл.

Кабинет вновь вращался вокруг меня. Подняв голову, я вынула зеркало из ящика. Я была бледной, и мои глаза мерцали. Сохраби вошла и встала у стола.

— Небось, с Тамаддоном повздорили?

— Нет, нет! Просто я не спала прошлой ночью. А ты возьми письма и займись делом, не думаю, что я смогу работать.

Когда она ушла, я снова положила голову на стол, мои веки с трудом закрылись. После обеда я взяла письмо, чтобы пойти в кабинет начальника, вдруг вошёл Шахрияр.

— Подожди, пожалуйста. Я хочу

на стул. Сомкнула веки, голова кружилась. Когда открыла глаза, кабинет вращался вокруг меня. Я встала и попыталась пройти в ванную комнату, но моё тело сопротивлялось. В голове звучало одно и то же.

— Твой отец... Твой отец... Твой отец...

извиниться за утро.

Я взяла какое-то письмо и начала печатать. Увидев его снова, я почувствовала себя так же скверно, как утром. Повсюду перед моими глазами становилось всё темнее и темнее. Кабинет вращался вокруг моей головы, как мяч. Я закрыла лицо руками.

— Послушай, я никогда не думал, что ты такая чувствительная.

Я поправила хиджаб. Мне хотелось что-то сказать, но у меня перехватило в горле, и я прерывисто произнесла: «Я бы хотела, чтобы ты никогда, никогда не делал мне предложения. Моя мать права, разрыв между нами ничем не заполнить». Шахрияр протянул руку и сказал: «Не суди слишком строго. Ничего серьёзного не случилось».

Наш нелёгкий разговор прервал телефонный звонок, я подняла трубку.

— Да, слушаю. Да, это я. А это кто говорит?

Это была мама г-на Тамаддона.

— Здравствуйте, госпожа. Как выживаете?

Не отвечая мне, она очень серьёзно и без вступления произнесла: «Послушайте, милая, мы много думали над этим вопросом. Мы не думаем, что это возможно. Ты найди подходящую пару для себя. Жизнь, это не шутка. Это не один день или два дня».

Кровь прихлынула мне в лицо. В глазах потемнело. Что-то оборвалось на сердце, меня стошнило. Я передала трубку г-ну Тамаддону. Он удивлённо посмотрел и взял трубку. Пока он слушал свою мать, я, держась за стену, вышла из комнаты, меня рвало...

Перевод М.Ш. Мамедовой.

Черви умирают в грязи

Первый осторожно указывает на чашку чая, который стоит перед вторым:

— Чай остыл.

Второй убирает большой палец с губ. На его губах появляется улыбка.

Первый:

— Вставай, не вредничай, давай выйдем, пойдём, прогуляемся.

— Выйдем? Куда выйдем?

Первый закуривает сигарету и оставляет зажигалку открытой, из которой раздаётся мягкая музыка, затягиваясь сигаретой, смотрит из-под бровей на второго:

— Ой, ты наводишь скуку, хочется заснуть.

Второй открывает окно. Свет падает из окна в сад. Он смотрит на красные цветы в саду. Капли дождя медленно сотрясают листья. Запах намоченной соломы наполняет комнату. Руки второго в кармане брюк. С

тоскливой ностальгией он говорит:

— Бедная матушка всегда мечтала, чтобы мы стали кем-то, но мы не оправдали её надежд, — произнеся это, закрывает зажигалку, и музыка перестаёт играть.

Первый:

— Эй, парень! Опять предаёшься воспоминаниям о первом доме. Будь проще, Баха. — Его внимание привлекла рамка картины на стене, которая представляла собой вид деревенского заката на фоне глиняных хижин, захохотав, он обратился ко второму:

— Это фото нашей деревни?

Второй по-прежнему стоит спиной к двери и лицом ко двору:

— Иногда упрекаю себя. Что за проблему мы создали для себя. Каждый раз чей-то дом, чья-то машина. Если бы я знал, что эта игра вскоре закончится, не было бы никаких возражений. Но как

долго будет продолжаться эта игра в кошки-мышки? До каких пор?

Замолчал, неодобрительно закачал головой, повернулся и прислонился к стене рядом с окном. Посмотрел на первого, который распускает в воздухе кольца сигаретного дыма.

— Допустим, на этот раз всё

обойдётся, завтра мы снова совершим свои тёмные дела втихую так, чтобы не попасть в руки полиции, а дальше что?

Первый тушит окурки в пепельнице:

— Незачем поднимать панику. На этот раз, как и всякий раз. Какая разница?

Второй злится, закатывает глаза и возмущённо смотрит на первого:

— Как какая разница? Разница большая. Ты говоришь, машину её отца. Ты подумал о том, что если мы попадёмся, что будет с моей репутацией, что будет с Сарой, я ведь её единственная надежда.

Первый, сдвинув брови, произнёс:

— Это последний раз. Как только продадим машину, заberi свою долю и живи своей жизнью. А мы уж постараемся не пропасть.

Смотрит на второго, лицо которого остаётся без изменений.

— Баха, разве ты не говорил, что собираешься жениться на той девушке? Это очень хорошо. А зачем её окоянному отцу столько денег? Угон машины никак не отразится на их сытой жизни. Он как медведь купается в деньгах. Разве ты не говорил, что он адвокат, разве не говорил, что его жена за границей, а он сам собирается смыться? Имея на руках свою долю, ты сможешь жениться на ней и привести её к себе. Тогда её папа может уехать, куда захочет, это мы ему разрешим.

Он смеётся, хлопает в ладоши и подпекает: «Ди-ра-ра-рай да-ра-ра-рай ра-ра-рай». И смотрит на второго, который не может оторвать уставший взгляд от деревенского пейзажа.

— Что с тобой парень, что-то случилось? Как будто ты обижен!

— ...

— Небось, запутался. Считаешь, что твоя доля мала?

— ...

— Ты хочешь больше? Ну, скажи хоть что-нибудь, таким поведением ты, неблагодарный, убиваешь меня. Разве ты не говорил, что обо всём с ней договорился, и вы приняли решение, и то, что сейчас у тебя материальные трудности? Смотри, Баха, с этими деньгами... Да что говорить, ты сам лучше знаешь всё.

— ...

— Если ты решил притворяться немым, ладно. Только давай не будем портить настроение друг другу сегодня вечером.

Он неловко смеётся, его костлявые щеки ещё больше впадают, а червивые зубы на половину выпячиваются.

Второй сжимает кулак, стиснув зубы, гневно наносит удар по лицу первого.

— Дьявол велит мне ударит так!

— Не сердись, Баха, сегодня вечером ты как бешеная собака.

— Вставай, уходи! Вставай! Вставай, уходи! На сегодня хватит.

Первый, посмотрев украдкой, закачал головой:

— Идём. Будь с нами, с теми, с кем мы дружим.

Второй взял сигарету, стал жадно затягиваться, прислоняясь к подушке у стены, слёзы обрамляют его глаза пузырячатой занавеской.

— В тот день, когда я приехал из деревни, у меня и в мыслях не было воровать, я думал о работе и надеялся на порядочную жизнь. И в итоге такой конец. Разве я об этом мечтал? Мы превратились в червей, которые не могут выбраться из грязи. Даже если сможем выбраться, то умрём на свежем воздухе. Ведь я никому не причинял вреда. Я не ел ни одного куска хлеба, заработанного нечестным путём. А теперь матушка есть нечестный хлеб, который я ей посылаю. Всё это из-за нерадивого отца, который влюбился, оставил нас с матушкой и ушёл, поддавшись, похоти.

Звук сверчков доносился из окна, выходящего во двор. Первый подошёл, положил руку на плечо второму и утешительно сказал:

— Ты повторяешься, дружище, я же сказал тебе, что...

Второй бьёт себя по груди:

— Здесь кладёшь боли! У каждого своя доля и судьба. Как говорила матушки, да смилостивится над ней Бог, всякий раз, когда рождается человек, у него на лбу пишут, кем он хочет быть и чем хочет заниматься.

На его лице появляется ухмылка, он хлопает себя рукой по лбу:

— Ну, вот и у нас на лбу с первого дня написано «вор».

От ядовитого взгляда второго, первый покраснел и нерешительным тоном, колеблясь, произнёс:

— Ну, что поделаешь? С самого начала мы не вели надлежащий образ жизни, не пытались найти нормальную работу и не хотели заниматься правильными делами. Теперь бессмысленно сетовать на жизнь. Не правдали? А?

Взгляд второго устремлён вдаль.

— Бедная девочка! Она понятия не имеет, чем я занимаюсь.

Её ввели в заблуждение моя одежда и излишняя льстивость, которой я научился в этом проклятом городе. Ты не поверишь. Я влюбился, как сумасшедший, то есть, ты понимаешь, первый раз в жизни, когда...

Он кусает уголок усов:

— Первый раз в жизни, я о ком-то беспокоюсь и переживаю. Я вчера разговаривал с матушкой по телефону, случайно проговорился и рассказал ей об этом. Бедная матушка подумала, что девчонка такая же простая, как и мы. Она обрадовалась и довольная сказала: «На днях приеду в Тегеран с твоей сестрой».

— Чтобы папа милой девочки выгнал вас, как говорится, вам дали отворот поворот. Этого хотите? А? Ха ха ха.

Второй посмотрел на него отчаянным взглядом:

— А что делать? Что мне ей ответить? Несколько дней назад она

сказала, что отец хочет её отправить за границу и попросила, чтобы я наконец-то принял решение. — На его лице появляется горькая гримаса, он затихшим голосом произносит:

— Собачья жизнь, жизнь адская...

Первый поднимается с места, обращаясь к нему:

— Подумай ещё раз. Но также знай, что отец девочки не имеет дело с такими людьми, как я и ты — ни кола, ни двора. У тебя должно быть что-то, чтобы заполучить девушку. Я же тебе сказал, негодный ты человек, только получив долю с машины, ты можешь начать хороший бизнес или снять квартиру для вас обоих.

Второй поднимает голову, его лицо озаряется слабой улыбкой. Первый хлопает его по спине и выходит из комнаты:

— Ну, я пошёл, дружище, увидимся завтра вечером.

Свет, падающий на асфальт из окна квартиры, сменяется тьмой. Второй смотрит в окно и весело потирает руки:

— Жертва всего — тьма.

Первый смотрит на циферблат, переминаясь с ноги на ногу. Затем, наклонив голову, идёт до конца улицы, оглядываясь по сторонам. При свете электрической лампы узнает второго. При виде его на лице первого засияла улыбка. На мгновение, он переводит взгляд на ряды сосен перед ним, выстроившихся в ряд, как солдаты. Второй, неохотно пинает камешки на земле. Лицо первого озаряется улыбкой:

— Я знал, что ты придёшь. Очень за тебя переживал, дружище! Опять брови домиком?!

Руки второго в кармане штанов, а взгляд его устремлён на беззвёздное небо. Нахмурившись, первый раздражённо спрашивает:

— В чем дело, Баха? Почему ты расстроен, что тебя беспокоит?

— С утра у меня сердце кровью обливается. Лучше бы мы не пришли сюда сегодня вечером! Черт возьми, я хотел завязать с этим делом! Давай вернёмся, давай пропустим.

— Не поднимай шума.

— Клянусь, мне совсем не по душе это дело. Что я отвечу Саре, если я попадусь? Давай остановимся, уйдём, займёмся настоящим делом, пока мы не попались.

— Я говорю, подойди и стой рядом.

У первого на лице появляется недовольная гримаса, и порез рядом с губой, доходящий до подбородка, углубляется. Он смотрит на тёмные и запутанные облака:

— Неблагодарный, ты хочешь оставить меня одного? Без тебя у меня ничего не получится. — И продолжает, не сводя глаз с него:

— Если ты помнишь, с первых дней, когда ты приехал из деревни, я был тем, кто протянул тебе руку

помощи.

Второй смотрит из-под бровей.

— Ну, пошли приятель. Ты стой спокойно, чтобы я, как обычно, мог встать тебе на плечи.

Первый, говоря об этом, и, стоя на его плечах, схватился за решётку. Посмотрев недоверчиво на второго, произнёс:

— Ты знаешь что делать, не так ли?

— Да, да, ну, иди же... — нервно отвечает второй.

Со словами «О, Али, помоги мне» первый прыгает из-за решётки прямо в середину двора. Убирает подпорку ворот, закрытых на несколько замков. Мягкими и лёгкими шагами направляется к машине. Второй со связкой ключей в руках подходит к воротам, подбирает ключи, ворота открываются.

Голова первого находится внутри салона автомобиля, а туловище — снаружи. Металлический цвет машины сияет в лунном свете.

— Что за собачий замок, не открывается. Проклятый заблокировал руль машины даже посреди своего двора.

Второй подходит поближе:

— Дай я попробую, с этим ключом наверняка...

Собачий лай, доносившийся из глубины темноты, вызвал тревогу и волнение в их душе. Второй вытащил ключ из замка и попробовал следующий ключ. Первый сердито сплюнул на пол:

— Ты не говорил, что у них есть собака.

Второй качает головой:

— Я сам не знал.

— Как заставить её замолчать? Проклятие. Совсем некстати. Сейчас разбудит всех. Ах! Почему замок не открывается?

— Подожди, я сломаю его.

Один за другим зажигается свет в квартирах. Первый кусает губу:

— Включили свет.
Второй бросает ключ и бежит во двор.

— Остановись, бессовестный.

Окна освещаются одно за другим. Облака мечутся, гром бегаёт и рисует в небе искажённые линии. Двое мужчин убегая, попадают в тупик на повороте переулка и сталкиваются с толпой. Собака все ещё лает и скрежещет зубами. Люди нападают на них.

— Глупые воры!

— Бездельники! Кто-то трудится в поте лица...

— Ах, мой бок...

— А такие как вы в одночасье выносите всё.

Первый кричит: «Не бей, проклятый, не бей».

Из милицейской машины вышли несколько человек в форме. Они надели наручники первому и второму. От удовлетворения и радости заблестели глаза местных жителей. Полицейский ударил кулаком в бок первого, который с насмешкой смотрел на толпу:

— Ну, давай, давай, садись в машину.

Первый, ворча, бросился на заднее сиденье:

— Благодарю, господин, вы очень любезны.

Второй повернул голову назад. За ним стоял невысокого роста мужчина в коричневой шёлковой пижаме. В руке у него был поводок, его лицо было знакомо. Один из полицейских вернулся, пожал руку ему, и с улыбкой посмотрел на собаку.

— Вы должны быть благодарны ей. Если бы не она...

Мужчина наклонился и стал ласкать собаку:

— Она получит достойный подарок.

Он засмеялся, полицейский тоже. Второй опустил голову, у него в ушах стреляло, а сердце... Он поднял голову и посмотрел в окна квартиры. Одна из занавесей была отодвинута, кто-то смотрел в окно. Железные прутья решётки окна поднимались перед его глазами все выше и выше...

Перевод М.Ш. Мамедовой.

Самира Асланпур

Самира Асланпур родилась в 1964 г. в Тегеране. Писательница, критик. Выпускница Тегеранского политехнического университета по специальности нефтехимик; имеет также диплом физика.

Писательскую карьеру начала в 1985 г. Именно в этом году в сборнике наряду с другими молодыми авторами был издан её первый рассказ. Первую книгу рассказов написала в 1989 г. Сегодня её перу принадлежит более семнадцати книг.

Самира Асланпур неоднократно признавалась лучшей писательницей в разные годы; была советником министра культуры и исламского воспитания (по делам женщин).

Вниманию читателей предлагаются рассказы «Когда меня не было рядом с тобой» и «Прилёт белого голубя в полночь» Самеры Асланпур из сборника «Миф о саженицах и солнце» в русском переводе Мамедовой М.Ш.

Когда меня не было рядом с тобой

Здравствуй, брат. Я очень опоздал. Не так ли? Ни в коем случае, не говори, что я вероломный. Не спрашивай, почему я не приходил на встречу с тобой все эти годы. Нет, конечно, ты не спросишь. Ты знаешь, что я не мог. И всё же мне стыдно за свою беспомощность. Сейчас я пришёл к тебе, чтобы сказать то, что я должен был сказать давным-давно, очень давно, в те годы...

Боже, как давно прошли эти дни и как трудно их вспоминать! Как больно говорить о прошлом, которое, как ты знаешь, не вернётся, и о таком горьком прошлом...

Каждое из этих воспоминаний,

когда я думаю о прошлом, проникает в моё сердце, как жало. Нет, не как жало, а как пуля, которая летит, крутится, переворачивает всё вверх дном и выходит с другой стороны. О, о чем я говорю? Прости, я не хотел тебя огорчать. Я не хотел об этом говорить, выскочило вдруг. Оставим это.

Да, вспоминать те дни — всё равно, что выпить яд, который отнимает у человека постепенно жизнь, но яд, который не убивает, а заставляет только страдать. При всём этом признаюсь, что хочу почувствовать это жало в моём сердце и этот яд в моём горле. Мне хочется помучить себя, чтобы немного облегчить бремя своих грехов.

Когда меня не было рядом с тобой

Теперь, брат мой, я не могу сказать, что я чувствую при встрече с тобой: грусть или радость. Не знаю. Но это не похоже ни на то, ни на другое. Это похоже на страсть, охватывающую всё существо провинившегося ребёнка, который хочет признаться старшему. Но ты не был старше, ты был младше меня. Я пришёл в этот мир на пять лет раньше тебя, а ты такой искренний, доверяя разнице в пять лет, шёл по моим стопам, слушая меня с открытым ртом.

Ты был младше, а я, как брат, всегда о тебе заботился. О, мой брат, моё дитя! Я знаю, что ты подумаешь. Да, я всегда за тобой присматривал, но до того момента, когда ты больше, чем раньше нуждался в моей заботе. Именно тогда я бросил тебя. Это правда. Я оставил тебя, чтобы тебя схватили бури. И теперь, как я могу так беззаботно сидеть здесь и разговаривать с тобой? С каким лицом?

Но, дорогой брат, послушай меня. Я говорю это, чтобы истерзать себя. Позволь... позволь мне сесть поближе к тебе и положить голову тебе на грудь. Да, здесь. Тебе на грудь. На грудь тому, кто однажды был полон уверенности во мне. Я – то существо, которое сидит здесь, и ему стыдно за своё грязное прошлое.

Я брал тебя за руку и повсюду водил за собой. Не потому что ты был глупым. Нет. Ты был чистым и боготворил меня. Ты доверял мне, и это была твоя ошибка. Ты поверил мне, тому, кто даже сам не знал, кому и чему доверял. Меня обманули, я попал в ужасный водоворот и потащил тебя за собой. С чего это началось, я не знаю. Но, я уверен, твоя гибель ускорила с того дня, когда я принёс домой те книги и газеты.

Ты ходил в школу, а я учился в университете. Я приносил тебе книги, покупал газеты и брал тебя на наши собрания. Ты всё это читал, обо всём слышал и всё видел. И если у тебя возникали вопросы, то для этого был я. Когда у меня не было ответа, я выходил из ситуации, пусть даже спустя рукава. И ты мне доверял. Ты сказал, что в твоей школе тоже есть сочувствующие ребята, но я знал об этом. Я попросил тебя участвовать в их спортивных состязаниях и программах, и ты согласился.

Я ещё не ввёл тебя в организацию, когда это произошло. И даже если до того дня у тебя было какое-то недоверие, то тогда все твои сомнения рассеялись, потому что я приложил к этому руку, а ты мне безгранично доверял. О, какая большая ошибка! Позволь мне рассказать историю с самого начала. Ты должен помнить, какой именно день я имею в виду.

В то время прошёл всего год после революции. На оживлённых перекрёстках я продавал газету организации, и ты знал, что я езжу туда каждый день. Иногда приходил туда и

наблюдал за мной. Ах, не думай, что я не знал об этом. Я понимал, как ты втайне обо мне заботился, и я был счастлив, что производил на тебя такое серьёзное впечатление. Несомненно, я выполнял важную организационную работу! Ты видел меня, и ты, должно быть, думал, что похож на брата и мечтал стать как я. Как я хотел, чтобы за завесой, что закрывала моё лицо в те дни, ты мог разглядеть униженное и ущербное состояние моей души!

Я только начал продавать газеты в тот день, когда началась потасовка. Трое ударили меня по голове, отобрали у меня газеты, толкнули в воду и стали с остервенением избивать. Газеты тоже были разорваны. Вскоре вокруг нас собрались люди.

Один крикнул: «За что вы избиваете этого невинного мальчика, что он сделал?»

А другой сказал: «О люди! Посмотрите, как они жестоко поступают с нашими детьми...»

И каждый что-то сказал. Ты, невинное дитя, должно быть, пришёл, чтобы помочь своему брату, потому что я слышал, как ты плакал и кричал: «Отпустите моего брата, что вам нужно от моего брата, изверги...»

И в тот день ты, должно быть, подумал, что те, кто собрался вокруг меня, были обычные люди. Но многие из них были нашими ребятами, а ты не знал об этом в тот день...

Я не знаю сейчас, где находятся люди, которые избивали меня и других в тот день и в другие дни, и что они делают. Как я хотел, чтобы они знали, что в тот день организация решила считать их своими сторонниками. Хотелось бы, чтобы они знали, в тот день, когда ты смотрел на меня со слезами на глазах, какую злобную ненависть они посеяли в твоём чистом сердце...

После того как они ушли, я встал раненый и окровавленный, схватил разорванные газеты и крикнул: «Этот документ — преступление агрессии».

И тут я увидел, как ты стоишь в углу и плачешь. Мгновение спустя ты подбежал ко мне, обнял меня и крикнул: «Брат Рахим, дорогой...» а потом ты заплакал навзрыд.

Я больше смотрел на людей, чем на тебя, и видел, что они смотрят на тебя грустными глазами. Ведь ты плакал и рыдал искренне, от чистого сердца и не знал, что такое лицемерие? Но я думал о том, сколько «эмоциональной нагрузки» в этой сцене, и как хорошо это действует на людей!

Дорогой Мохсен, ты помнишь тот день? Но что толку? Это лишь немного уменьшает то бремя, которое лежит на моих плечах, на плечах грешника. Вскоре после того, как ты присоединился к организации, я уже перестал продавать газеты. И задолго до того, как началась вооружённая борьба, я ушёл из дома и всё своё время проводил в организации.

А когда тебя арестовали, твоё сердце долгое время было полно обиды и не сияло, как зеркало, в те времена. Возмущение, начавшееся с того дня и с продолжением подобных инцидентов,

стало более плодотворным вместе с идеологической обработкой организации. И ты в день ареста пришёл, чтобы излить яд своей ненависти.

Ах, дорогой Мохсен, брат мой, чем ты хотел отомстить? Коктейлем Молотова?! Коктейль, который уничтожил твою жизнь?

Меня арестовали после тебя. Но коктейля у меня не было. В конце концов, для организации я был важен тем, чтобы спокойно убить меня или отправить на вооружённые демонстрации. Я был солдатом.

Дорогой Мохсен, ты помнишь тот день, когда мы встретились после долгой разлуки? Но как мне хотелось, чтобы я не видел тебя в тот день. Воспоминания об этом дне для меня самые горькие из всех остальных. Я никогда не прощу себе того, что сделал с тобой.

Я сидел в отделении для допросов, когда тебя завели в комнату и следователь сказал тебе: «Иди, иди, посмотри на своего брата-героя, какую кашу он заварил. Иди, посмотри на

него, чтобы больше не выкрикивал лозунги».

Ах, дорогой Мохсен, ты настаивал на своих словах и думал, что ты на правильном пути. Но я, трус, которого ты считал храбрым, показал всю мерзость своего существа. Хотя я ещё не стыдился своих прошлых поступков, но так испугался смерти, что был готов заплатить любую цену, чтобы избежать её.

Дорогой Мохсен, я рассказал всё, и про твои дела тоже. Но ты не поверил. Ты пришёл ко мне, взял меня за руки и сказал: «Брат Рахим, скажи, скажи мне, что ты никого не выдал. Скажи, что они лгут». А я опустил голову. Нет, они говорили правду. Ты снова настоял, а я промолчал, а ты с удивлением и изумлением сказал: «Так это правда? Ты предал организацию!»

Да, я предал, но не организацию. Так меня научила организация. Я предал тебя, тебя, моего брата. Я бы многое отдал, чтобы вновь услышать из твоих уст «дорогой брат», «брат Рахим». Как сильно я желаю, чтобы вместо этих слёз свинец пролился мне на щеки и обжёг меня!

Брат Мохсен, в тот день я снова предал тебя. Я даже не открыл рта, чтобы показать тебе своё лицемерие изнутри, и ты был ошеломлён. Ты ушёл, а я остался, я, который был виноват больше, чем когда-либо.

Брат Мохсен, моё дитя, теперь, я пришёл к тебе, чтобы признаться, что многие годы горькое раскаяние мучает всё моё существо, а пламя ненависти горит с каждым днём всё больше и

больше по отношению к тем, кто сеял семена лицемерия в моём сердце. И сегодня я так ненавижу своё прошлое.

Опять же, несмотря на всё это, мне стыдно, что я сижу перед тобой здесь и говорю эти вещи. Брат Мохсен, со вчерашнего дня, когда я был освобождён через пять лет по помилованию Имама Хомейни, всё моё сердце тоскует по тебе. Хотел прийти к тебе и оплакивать горькую судьбу, постигшую меня, тебя и тысячи других. Хотел прийти сюда и рассказать о своей печали.

Я выбежал из дома рано утром, чтобы добраться до тебя. Когда я вышел из машины, то побежал как сумасшедший, мне так хотелось как можно скорее встретиться с тобой, что я ничего вокруг не видел. Теперь, когда я оглядываюсь вокруг твоего вечного пристанища, мне ещё больше жалко тебя. Почему здесь всё так обезобразили? Почему они так его разрушили? Разве твоя жизнь не сгорела в огне лицемерия и не была загублена? Неужели этого было мало?

Ах, брат Мохсен, как мне грустно. Позволь мне молиться, молиться за тебя и за себя, ведь я более грешен, чем ты. Может, тогда моё переполненное горем сердце хоть немного обретёт покой.

Дорогой брат, позволь мне снова положить сюда свою голову, которая, я думаю, должна быть у тебя на груди, и омыть твою разбитую надгробную плиту моими слезами.

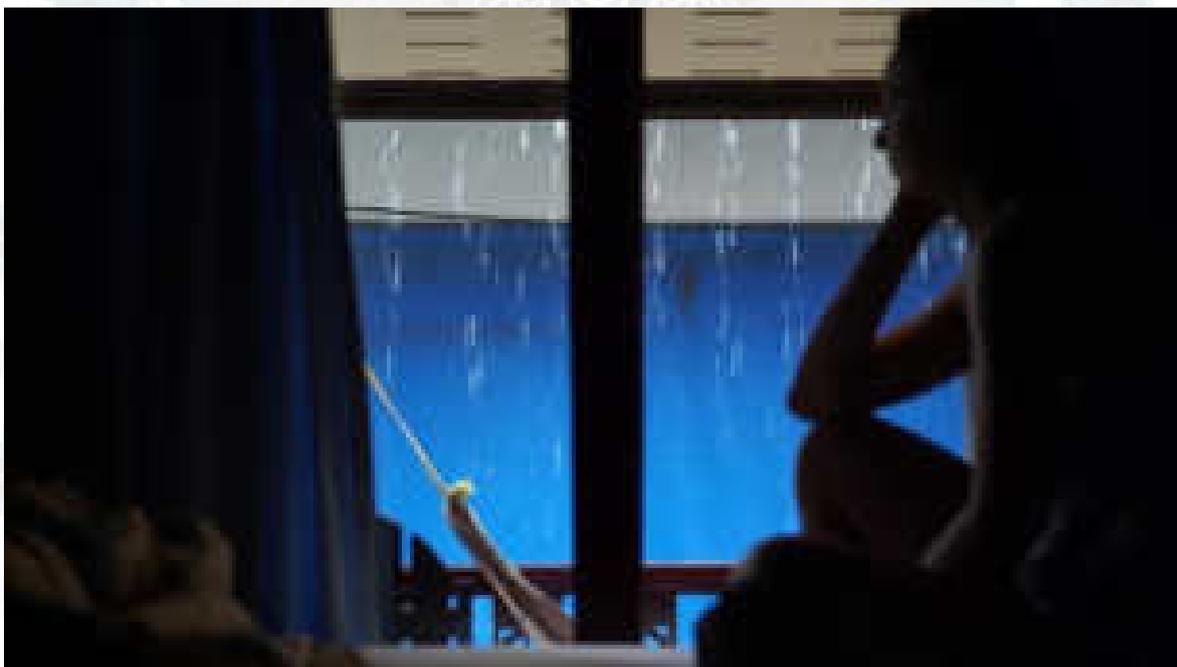
Перевод М. Ш. Мамедовой.

Прилёт белого голубя в полночь

Сехар проснулась в ужасе. Она не осознавала, чего испугалась — громких звуков, которые она слышала со двора, или яркого света, освещавшего комнату. Некоторое время она была сбита с толку. Со двора доносились громкие и странные звуки. В комнате горел свет. Сехар не знала, почему горит свет или кто его включил в полночь. Она была ещё больше удивлена, когда огляделась. Её сестры и старшего брата в комнате не было. В этой комнате никто не спал, кроме неё. Испугавшись, она огляделась. Нет, никого не было. Она быстро встала и пошла в комнату родителей. Это было странно. Это было так странно! Никого

не было дома. Как все её бросили? Куда они делись? Она не нашла ответов ни на один из этих вопросов. Зачем включили свет?

Сехар снова услышала громкие звуки, доносящиеся со двора. Она пошла на веранду, отёрнула занавеску. Сначала она ничего не увидела в темноте. Но звуки были настолько громкими, что Сехар подумала, что у неё могут лопнуть барабанные перепонки. Она ещё больше заострила внимание. Не поверила. Сначала вообще не могла поверить, что то, что падает с неба и производит ужасные звуки, это дождь. Нет! Но это был дождь!

Сехар со страхом и удивлением увидела, что идёт дождь, но не тот дождь, который она видела раньше. Каждая капля была размером с дыню. Muskusная дыня! Глаза Сехар привыкли к темноте. Теперь она потихоньку начала верить в то, что видела. Она вышла из комнаты и остановилась на веранде. Звук был намного громче. Сехар почувствовала, что ей хочется стоять под этими странными каплями. Она хотела прикоснуться к ним и убедиться, что

идёт дождь. Когда она начала спускаться с веранды по лестнице, большие капли дождя ударили её по голове и телу. Она совсем не ожидала, что так сильно пострадает от удара этих капель. Все её тело болело; её голова, грудь, руки, ноги. Словом, всё.

Ей хотелось кричать от боли. Но она боялась, что соседи проснутся. Это остановило её. Сейчас если бы кто-то услышал её голос, то подумал, что она тихо стонет.

Сехар открыла глаза. Была полночь. В комнате было темно. Она встала и села. В темноте она увидела спящих сестру и брата. Все её тело ныло от боли. Она хотела пить. Она встала и тихо вышла из комнаты. Она шла так тихо, что не слышала своих шагов. Но она слышала, как её родители разговаривают друг с другом.

Её мать говорила:

— Слышишь? Её стоны прекратились, но вскоре опять начнётся.

Сехар сидела на веранде и наблюдала за своей матерью, которая стелила постель. Чуть позже она позвала мать:

— Мам, мам!

— Что, детка? — спросила мать, подойдя к ней.

— Мама, ты веришь, что прямо сейчас ты получишь письмо от тёти.

— Как?! Откуда ты знаешь? — спросила она удивлённо и засмеялась.

Промолчав какое-то время, Сехар ответила:

— Не знаю, но мне вдруг показалось, что от тёти может быть письмо.

— Я буду очень рада, — заметила

Сехар подходила к школе, когда мимо неё пробежала девочка и нечаянно слегка толкнула её своим портфелем. Сехар не удержала равновесие, головой ударилась об стену и упала, ей стало больно. Девочка, которая толкнула её, вбежала в школу и не увидела того, что произошло.

Сехар продолжала сидеть, ей хотелось подняться, но она не могла. Это было так странно! Она совсем не расстроилась и не злилась на ту девочку. Она думала, о том, что раньше все было по-другому. Как она разозлилась бы, если бы с ней так поступили, а может даже затеяла бы большую драку. Но теперь всё было совсем не так. Она

Ребёнку очень больно, — сказал отец.

И Сехар услышала вздох своей матери. Чуть погодя, отец сказал:

— Когда мы получим результаты тестов, тогда станет ясно. На этот раз результат будет окончательным...

Мать снова вздохнула. Сехар пошла на кухню, спокойно выпила воды и вернулась в постель.

мать, поднялась по лестнице на веранду и вошла в дом.

Сехар взялась за решётки и выглянула во двор. Она думала о своём сне прошлой ночью. Она не поняла, сколько времени прошло, как вдруг услышала звук двери. Направилась к двери, но, не успев дойти до неё, почувствовала, что не может идти. Ей снова было больно. Она наклонилась и села на пол. В этот момент, послышался какой-то голос. Когда она подняла голову, то увидела что-то в дверном проёме. Встала, подошла поближе, увидела, что это конверт. Подняла его и прочла; письмо было от её тёти.

вспомнила недавний разговор с мамой о том, что сегодня последний день, когда она ходит в школу. Мама сказала утром: «Доченька! Тебе больше не нужно ходить в школу какое-то время. Какое-то время тебе нужно отдыхать дома».

Сехар думала, что её мать чем-то расстроена или ей хочется плакать; потому что она всё время отворачивалась от неё и не договаривала свои мысли до конца. Сехар не понимала причину. Конечно, она знала, что ей нужно отдохнуть, потому что врач сказал об этом. Она попросила маму: «Мама, позволь мне сегодня пойти в школу и попрощаться с одноклассниками».

Когда она сказала «попрощаться», мать отвернулась и Сехар увидела, что все её тело дрожит. Чуть позже мать вернулась и сказала: «Ладно. Иди, детка. Иди и со всеми попрощайся», и выбежала из комнаты.

Сехар встала и пошла в школу. Мать попросила её не задерживаться. Раздался звонок, и ученики пошли в свои классы. Сехар тоже вошла в свой класс. Она не знала, как должна попрощаться с одноклассницами, хотя ей было известно, что они знают о её болезни. Пока она думала об этом, их учительница, г-жа Асади, вошла в класс. Сехар быстро подошла к своей парте и села рядом с Сохейл.

— Ты в порядке, ты больше не больна? — прошептала ей на ухо Сохейл.

— Я пришла попрощаться, мне нужно немного отдохнуть. Когда мне станет лучше, я снова приду в школу.

Г-жа Асади успокоила класс. Сехар не знала, что делать. Наконец она подняла руку и сказала: «Разрешите, госпожа?»

Г-жа Асади повернулась к ней, и Сехар почувствовала, что её лицо стало

очень добрым:

— Да, дорогая, ты что-то хочешь сказать?

— Госпожа, мама сказала, чтобы я поскорее вернулась домой. Я пришла попрощаться... доктор сказал...

Сехар показало, что лицо у г-жи Асади стало таким же, что у её мамы сегодня утром. Её лицо изменилось и она проговорила:

— Хорошо, детка, хорошо! Подойди и попрощайся со своими подругами. Дай Бог, когда поправишься, снова вернёшься в класс.

Затем она подошла к окну и повернулась спиной к классу. В классе внезапно стало шумно, все собрались вокруг Сехар.

— Доктор не сказал, как долго ты должна оставаться дома? — спросила Фатима.

— Не знаю, может, месяц, — нерешительно ответила Сехар.

— Через месяц ты полностью выздоровеешь? — снова спросила Фатима.

— Конечно, врач сам сказал, что со мной всё будет в порядке, — уверенно ответила Сехар.

В это время к ним подошла г-жа Асади. Дети замолчали и немного отошли в сторону. Г-жа Асади обратилась к ученицам:

— Не беспокойтесь дети, всё в порядке.

— Госпожа, разве рак вылечивается? — вдруг спросила Наргес.

И тут все замолчали. Г-жа Асади на мгновение посмотрела на Сехар, потом отвернулась. Сехар никогда раньше не видела свою учительницу такой. Ей показалась, что их

Хусейн, старший брат Сехар, поливал сад. Она сидела в саду и смотрела, как вода падает, как капли дождя, на цветы, траву и листья деревьев. Она думала, что если бы в этом саду было маленькое существо, эти капли были бы для него такими же большими и ужасными, как сон, который ей приснился той ночью, и столь же болезненными! Вдруг она вспомнила сон прошлой ночи. Она повернулась к Хусейну и сказала:

— Пройшей ночью мне приснился хороший сон. Приснилось, что у меня в руках воробей, веришь?

— Да? — вопросительно ответил Хусейн.

И вдруг он указал куда-то в сад и сказал:

— Посмотри туда!

Сехар посмотрела туда, куда он указал. В саду прыгал туда и сюда маленький воробей. Его перья были мокрыми. Хусейн поднёс водяной шланг к воробью и сказал:

учительница стала похожа на ученика, который не знал урок и пытался спрятаться от учителя, как это бывало и с ней. Г-жа Асади растерянно произнесла:

— Какое это имеет отношение к нам?

— Почему, госпожа? — не унималась Наргес, — Моя мама сказала, что Сехар больна раком. Мама Сехар сама сказала ей. Поверьте.

Все молчали и никто ничего не говорил.

— Дай мне его намочить, чтобы он не мог летать.

— Нет! — крикнула Сехар и вырвала шланг из рук Хусейна. Тут же она подбежала к воробью и взяла его на руки. Хусейн подошёл к ней и в недоумении спросил:

— Зачем ты это сделала? Ничего с ним не было бы. Я просто хотел его намочить, чтобы ты смогла его поймать.

На мгновение он замолчал, потом засмеялся и продолжил:

— Ну, я хотел, чтобы твой сон стал вещим.

Сехар посмотрела на него и с упрёком произнесла:

— Как ты не понимаешь? Эти маленькие капли воды, которые ты льёшь ему на голову, слишком тяжелы для него. Неужели ты не понимаешь, какую сильную боль причиняют большие капли, попавшие на голову маленькой птицы?!

Была ночь. Сехар не могла уснуть. Она встала и подошла к окну. Повсюду было темно. Только электрический свет мягко светил, напоминая лунное освещение. Сехар смотрела на свет, который освещал землю, деревья, электрические провода и все вокруг, а также снег, падающий с неба. Снег кружился и падал. Это было странно! Сехар видела, что каждая снежная крупинка, как белый голубь, медленно трепетала своими раскрытыми перьями, падающими на снег, который уже лежал на земле, и их больше не было видно.

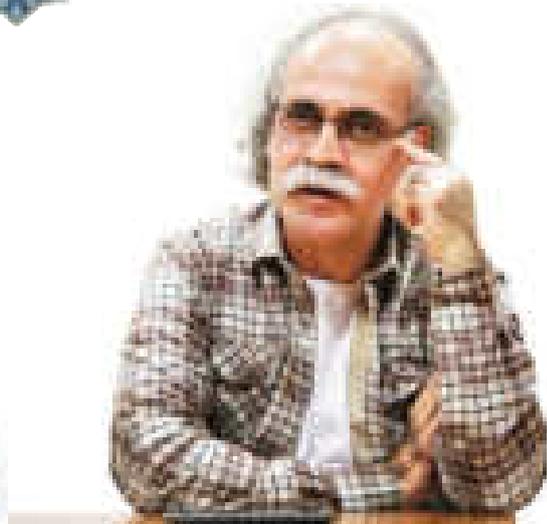
Сехар открыла дверь и вышла на веранду. Она не чувствовала холодного

воздуха. Птицы продолжали падать на землю. Сехар босиком пробежала по снегу и схватила его, чтобы найти птиц. В этот момент она услышала звук с неба. Она вернулась наверх. К ней медленно спустилась большая, очень большая белая птица. Её перья были раскрыты и она не двигалась.

Сехар внезапно начал окутывать сон. Ей хотелось положить голову на снег и там же уснуть. В это время она почувствовала, как большие перья птицы накрывают её тело, как тёплое одеяло...

Перевод М.Ш. Мамедовой.

Фархад Хасан-заде

Фархад Хасан-заде родился в 1963 г. на юге Ирана, в г. Абадан. Из-за Ирано-Иракской войны его семье пришлось переехать в г. Шираз. С 1990 г. начал сотрудничать с СМИ, с редакциями детской и юношеской литературы, и опубликовал первые свои рассказы. Первый сборник рассказов опубликовал в 1992 г. под названием «Приключение лисы и пчелы». На сегодняшний день у него вышло около пятидесяти книг. Некоторые из них удостоились различных наград. Самая высокая оценка была присуждена на фестивале «Детской и юношеской литературы» в 2000 г. Его перу принадлежат произведения разных жанров: рассказы, новеллы, романы, фантастика, сказки, притчи, автобиографические произведения и сценарии для фильмов.

Предлагаем вашему вниманию рассказы «Девочка, пекущая нутовое печенье» и «Всего лишь резинка для штанов» из сборника «Одна ночь из тысячи» в русском переводе Мамедовой М.Ш.

Девочка, пекущая нутовое печенье

Это была первая встреча.

В руках девочки было нутовое печенье, аккуратно сложенное в коробку из-под халвы. Мягкое и вкусное печенье, которое она сама испекла, было ещё немного горячим. В руках матери были цветы. Со вкусом оформленные, они были помещены в коричневую деревянную корзину и украшены розовыми лентами. Цветы были куплены в цветочном магазине у дома престарелых.

Санаторий был похож на небольшой сад. Со старыми деревьями и мощёной дорожкой. Когда прошли чуть дальше, между зелёными ветвями показалось и само здание. На мгновение от того беспорядка, которое

устроили воробьи, она почувствовала лёгкое головокружение. Она выронила: «Красивое место, но жаль...»

Мать заговорила: «Мне самой достаточно грустно. Не надо поднимать моё давление!» Дочь не хотела её расстраивать. Ничего не сказав, молча посмотрела на деревья. Услышала вздох матери, за которым последовали её обычные слова: «Ты же знаешь, выбора не было».

Она осторожно кивнула в знак согласия, то есть она лучше знает, что выбора не было; что её тети и дяди, а также её мать были заложниками собственной жизни и не могли заботиться о своей старой матери;

что времена изменились, и у каждого были свои проблемы; и что это хорошее место, где заботятся о стариках и о её бабушке, в том числе. Бабушка, у которой обнаружили склероз и различные болячки, к тому же постоянно мочится. При этих мыслях она покачала головой и прошептала: «Не знаю, может, они и правы».

Она старалась не плакать, думала о чирикании воробьёв, которое звучало как крик одноклассников, когда у них не было учителя. Посмотрев на быстро и стремительно бежавшую по бульжникам воду в арке, она сказала: «Ты думаешь, ей лучше?»

Увидела её издалека. Бабушка сидела в инвалидной коляске и смотрела на тропинку, ведущую к деревьям. Девочка подумала: «Ой, с каким нетерпением она нас ждёт!» Но это было не так. Она поздоровалась с ней и пожала ей руку. Но никакой реакции не увидела. Биби Форуг холодно и равнодушно смотрела на них своими серыми глазами. Она спросила: «Как вы, Биби Форуг!» Обняла и поцеловала её морщинистое белое лицо. Биби не целовала её, а смотрела

Мать убрала платок с красного носа и ответила: «Это не больница, доченька, это санаторий. Её исцеление – Божья работа. Может, в окружении сверстников успокоится и поправится».

Они перешли мост и поднялись по лестнице. Несколько стариков и пожилых женщин сидели в прохладной тени деревьев. Бабушки среди них она не увидела, заволновалась. Они увидели проходящую мимо одну из медсестёр в кремовой медицинской одежде. Спросили про Биби Форуг. Медсестра указала на беседку справа от сада. Девочка ускорила шаги. Чувствовала, как соскучилась по ней.

ей вслед. Она повернулась и посмотрела на свою мать, которая тоже была чужой для Биби Форуг, как это было десять дней назад.

Девочка спросила: «Она всё ещё не узнаёт?» Мать ответила: «Склероз это ужасно». Она не выдержала, встала на колени, уткнулась лицом в подол бабушки и зарыдала. Через некоторое время, перестав плакать, обратилась к бабушке: «Бабушка, ты узнаешь меня?»

Бабушка смущённо спросила: «Ты кто?»

У девочки иссекало терпение, она тяжело сглотнула и ответила: «Это я приготовила вкусное печенье и принесла его тебе». Открыла коробку и игриво поднесла к ней. Краем глаза она увидела свою мать, когда она встала и застыла на месте. На лице бабушки появилось удивление: «Печенье!»

Девочка сказала:

— Печенье из гороховой муки. То, что ты всегда любила. Посмотри!

Это была вторая встреча.

В её руках было нуттовое печенье. Печенье круглой формы, которое она сама испекла. В первый раз, когда вылепили печенье, это был цветок с четырьмя лепестками. В руках матери был букет нежных и ароматных цветов. Шум воробьёв достиг неба. Она подумала, что они поставили класс с ног на голову.

Вода медленно текла по булыжникам, как будто не торопилась уходить. Мать спросила о бабушке у полноватой медсестры, которая была в кремовом костюме. Лицо медсестры не было многообещающим, ответ таким же: «Как всегда».

— Как раз по твоим зубам, — добавила мать.

Но бабушка будто ничего не слышала. И тогда девочка повторила: «Как раз по твоим зубам».

Тонкие бледные пальцы бабушки задрожали и вытянулись вперёд. Она взяла коробку, поставила её на плиссированную юбку и начала есть, причмокивая. Мама с удовольствием посмотрела на неё, девочка тоже.

Девочка вздрогнула. Она закрыла глаза. Боже, что такое склероз? Значит ли это, что ваш мир погружен в темноту? Нет. Тьма — это мир слепых. Так как же понять склероз? Что значит склероз? Означает ли это, что у вас есть альбом на сто страниц без единой фотографии? Что значит склероз? Имеется в виду пустая магнитофонная кассета? Или нет, это означает писать на доске, а затем стереть всё написанное? Ей хотелось хоть на часок почувствовать склероз, прикоснуться к ней. Например, она закрывала глаза в комнате, чтобы не видеть какого-то места, или закрывала уши, чтобы не слышать какого-то звука.

Она не поняла, как подошли к павильону. Биби Форуг сидела одна в инвалидной коляске, глядя на нижнюю часть сада, где проходила дорога, ведущая к деревьям. Девочка почувствовала, что бабушка узнала её. Пожала ей руку.

— Привет.

Мать с красным носом медленно поприветствовала её, поцеловала и положила букет на её ситцевую юбку с цветочным узором.

Девочка прогнала от себя надоедливый гнев, и ловко покрутилась вокруг бабушки: «Какая... милая ты сегодня!»

Она увидела её серые глаза, которые следили за ней. Чувствовала, что хочет улыбнуться, но её губы были защиты невидимой нитью. Она тепло поцеловала её в губы, чтобы разрезать пряжу или растопить лёд, и радостно спросила: «Ты меня узнаешь?»

В ответ она услышала «да», и её глаза засияли:

Это была третья встреча.

В руках Жасмин была коробка, полная нутового печенья, которое она, как обычно, испекла с любовью. На этот раз оно было в форме сердца. Но на вкус оно было такое же, как обычно, с теми же ингредиентами: нутовая мука, сахарная и фисташковая пудра...

В руках у матери было несколько хризантем с голубыми лентами.

— Мама ты хочешь сказать, что на этот раз она меня узнает? — спросила девочка.

— Кто знает, вдруг узнает. — пожалала мать плечами.

— На этой неделе я всё молилась Богу, чтобы, хотя бы меня узнала, в конце концов. — сказала Жасмин. — По крайней мере, когда я спрошу: «Ты узнаешь меня?» Она скажет: «Ясно, что я узнаю тебя. Ты мой цветок жасмина». И прочтёт стихотворение, как раньше: «Жасмин, о, мой цветок... Жасмин, о, мой цветок...»

— Слава тебе, Господи! Кто я?

Голосом, который всё ещё был ей знаком, она ответила: «Ты, это та, кто... готовит вкусное печенье и приносит его мне».

Она сконфузилась, потому что ожидала чего-то другого. Как будто сад и все его деревья разбились о её голову. Она протянула ей коробку и сказала: «Пожалуйста!» Бабушка красиво кушала, прекрасно жевала и глотала. Как будто их не видела. Она не замечала цветов, лежащих на своей юбке. Как будто все её органы чувств были заняты вкусом печенья. Девочка сунула голову в руки матери: «Ты хочешь сказать, что она действительно меня не узнает? Тот, кто был со мной с момента моего рождения».

Мать глубоко вздохнула и уставилась в темноту её глаз. Что говоришь, Жасмин? Она не узнает меня, которую родила... И не смогла продолжать.

Вода в арыке спокойно бежала под галдёж стайки воробьёв.

Они увидели Биби Форуг, сидящую в тени беседки, прислонившуюся к спинке инвалидной коляски и смотрящую в конец сада, откуда виднелась тропинка, ведущая к деревьям. Увидев их, она покачала головой; как будто кровь поступила ей под кожу. Она медленно подняла руку.

— Привет.

— Привет, мой дорогой цветок! Добро пожаловать.

Обе поцеловали её. Жасмин погладила её серебряные волосы и проследила за её взглядом. Взгляд, который был прикован к её руке, к коробке с печеньем. От радости Жасмин собиралась взмахнуть крыльями посреди сада. Она подумала: «На этот раз она меня узнала». Поэтому спросила:

— Бабуля, я кто такая? Сможешь угадать?

Биби Форуг посмотрела на неё таким взглядом, который означал: «Ты думаешь, я совсем ничего не соображаю?»

— Ты думаешь, мой мозг вытек? Думаешь, я не узнаю тебя? Почему? Я узнаю тебя, и даже очень хорошо знаю.

— Слава Богу! А теперь скажи мне, кто я?

Она мягко закашлялась и сказала:

— Ну, понятно же, ты та самая девочка, которая печёт вкуснейшие печенья и приносит их мне.

Жасмин надрывным, полным досады голосом закричала:

— Какие печенья? Ты должна помнить меня, меня и только меня, — и вытерла слезы. — А теперь скажи, кто я?

Старушка потёрла лицо девочки тонкими бледными пальцами, погладила её брови, глаза, нос, губы, другой рукой нежно прикоснулась к её волосам, которые теперь скользили из-под шарфа. Бабушка отодвинула коробку с печеньем и спрятала её за спиной. Беспмятство бабушки доводило Жасмин до отчаяния.

— Кто я?

— Ты думаешь, я сошла с ума? Совсем глупая стала, что не узнаю тебя?

— Ну, хорошо, скажи!

Она уставилась на чистое и прекрасное лицо своей внучки. Её голос был немного волнистым:

— Ты та самая девочка, которая печёт вкусное печенье и приносит мне, не более того.

Жасмин надрывным, полным досады голосом закричала:

— Какие печенья? Ты должна помнить меня, меня и только меня, — и вытерла слезы. — А теперь скажи, кто я?

Старушка потёрла лицо

девочки тонкими бледными пальцами, погладила её брови, глаза, нос, губы, другой рукой нежно прикоснулась к её волосам, которые теперь скользили из-под шарфа. Бабушка отодвинула коробку с печеньем и спрятала её за спиной. Беспмятство бабушки

доводило Жасмин до отчаяния.

— Кто я?

— Ты думаешь, я сошла с ума?

Совсем глупая стала, что не узнаю тебя?

— Ну, хорошо, скажи!

Она уставилась на чистое и прекрасное лицо своей внучки. Её голос был немного волнистым:

— Ты та самая девочка, которая печёт вкусное печенье и приносит мне, не более того.

Терпение девочки лопнуло. Она уткнулась лицом в подол плиссированной цветастой юбки бабушки и заплакала. Это были слёзы о пассажире, который так и не вернулся; о женщине, у которой в альбоме не было ни одной фотографии. Может, она плакала из-за себя, ведь она стёрлась из памяти той женщины.

Биби Форуг схватила мокрое лицо костлявыми руками и спросила:

— Тебя кто-то обидел, девочка?

Девочка, всхлипывая, сказала:

— Нет, бабушка. Я люблю тебя, а ты меня не узнаешь. Ты знаешь, что такое любовь? Любовь это... — и её плечи снова задрожали.

Глаза старушки заблестели и загорелись. Казалось, воробьи затихли, услышав её тихий голос. Она

посмотрела на небо. Её губы нежно шевелились:

— Любовь! Я знаю любовь.

Жасмин напряглась. Что? Бабушка повторяла: «Любовь... я знаю...»

Жасмин недоверчиво посмотрела на свою мать, которая сидела на пенёчке, за её спиной. Мать улыбнулась, убрала с лица бумажную салфетку и повернулась. Нос у неё был красный:

— Для бабушки не имеют значение имена людей. Единственное, что она знает и в чем нуждается — это любовь, и всё.

Она перевела взгляд и повернулась к бабушке. Она видела, как её сияющие глаза разбегались в поиске чего-то. Жасмин вытерла слезы тыльной стороной ладони и с улыбкой сказала:

— Хорошо. А сейчас настало время чего?

И увидела улыбку своей бабушки и её детскую радость, когда она ответила:

— Нутового печенья.

Перевод М.Ш. Мамедовой.

Всего лишь резинка для штанов

Я впервые зашёл в этот огромный супермаркет. Магазин, в котором чувствуешь себя потерянным. Магазин, в котором было всё. По словам папы, «от птичьего молока до человеческой души». Я знал, что такое человеческая душа, но, сколько бы я ни думал, не мог понять, какие вкус, цвет и запах у птичьего молока.

Всё было под рукой. В отличие от продуктового магазина г-на Джавада, где между покупателем и продуктами была перегородка в виде большого холодильника и витрины, здесь же можно было потрогать всё что угодно, а затем выбрать. Если бы вы не захотели что-то, вы бы поставили его на место без того, чтобы кто-то вроде г-на Джавада ворчал и говорил: «Не хотите покупать, зачем вы зря тратите наше время?!»

Папа, как будто привёл меня в магазин своего отца, сказал: «Ты доволен? Здесь море благ. Море всего!

От птичьего молока до...» Остального он не сказал. Не знаю, забыл ли он или возникли какие-то проблемы. Я продолжил: «Человеческой души». Он сказал: «Молодец! Человеческой души. В мире нет ничего, чего бы здесь не было».

Была пятница, и супермаркет был переполнен. Куда ни глянь, везде люди, несколько человек делали покупки, несколько человек в очереди у кассы оплачивали покупки, получали чеки и складывали продукты в полиэтиленовые пакеты.

Папа ткнул себе в подбородок и возмущённо сказал: «Посмотри на них! Отсталый третий мир! Всё ещё считают деньги. Мир прогрессировал. Кредитная карта заменяет деньги, а эти касаются руками этих грязных, вызывающий дрожь денег». Я сказал: «Но мы есть мы, деньги — это другое дело».

Он сказал: «Наивный! Ты тоже думаешь как они! У иранцев есть проблемы, как в экономическом, так и в культурном плане. Кредитная карта заменяет сотню пачек банкнот, а мы все ещё с удовольствием расплачиваемся деньгами, считая их».

Я должен был закончить этот разговор, иначе он до вечера будет глагольствовать о политических, экономических, культурных и художественных преимуществах кредитной карты. Я подмигнул и сказал: «Доверие — наша кредитная карта!» Он засмеялся, похлопал меня по плечу и сказал: «Слава Богу, мне нравится, что ты модернист. Моя школа». Я не очень радовался тому, что стал его собственным звеном. Я бы хотел, чтобы он был моим звеном.

— Ну, ты готов?

— Конечно!

— Принеси тележку и складывай туда всё, что тебе хочется, от птичьего молока до...

— Где взять-то?

— Что, птичье молоко?

— Нет, тележку.

Он огляделся и указал на угол, куда я и отправился. Меня привело в изумление множество красивых тележек. В детстве я любил толкать коляски, тележки и повозки. Моя мама говорила: «В конце концов, ты станешь продавцом варёной свёклы». Конечно, я не был против продавать варёную

свёклу или даже солярку или малиновую воду. Тут важно было толкать тележку, что мне очень нравилось. Я взял одну из тележек и подошёл к папе. Он был в дальнем углу магазина, чтобы мы ничего не пропустили. Рядом с папой стояла тележка, полная всяких вещей, без хозяина. Я спросил папу:

— Это чьё?

— Понятие не имею.

— Никто эти вещи не заберёт?

— Ха! Зачем, для чего? Все полки забиты продуктами, и кто хочет, берет их с полок.

— Ты имеешь в виду, что никто не ворует эти вещи?

— Воровать? Какой смысл, наивный! В конце концов, нужно будет их оплачивать у кассы или не так?

Я ничего не понимал. Видно было, что он был человек со вкусом. Тележка была полна дорогими продуктами: макаронами, кофе, желе, орехами и всякой всячиной. Папа сказал: «Ну, иди же! Куда уставился? Все эти вещи есть на этих полках».

Я следовал за папой. Он, взяв стиральный порошок, сказал: «Посмотри, как я забочусь о твоей маме! Я взял для неё десять пачек порошка» Я ответил: «Если ты прав, то купи ей стиральную машину!» Он покачал головой: «Было бы хорошо, если бы можно было купить на эту карту. Я не только стиральную, но и

посудомоечную машину купил бы. Жалко, что цена на них высокая».

Затем он взял десять пачек бумажных салфеток и сказал: «Вот и салфетки. Отныне я запрещаю, чтобы кто-нибудь в доме вытирал нос рукавом». Я воскликнул: «Папа!» И указал на женщину и мужчину, которые смеялись над его словами.

Мы отправились за покупками. Папа был похож на человека, пережившего голод: что бы он ни видел, он брал по несколько штук и бросал в тележку, комментируя при этом их свойства. Я воспользовался возможностью, чтобы собрать как можно больше чипсов, сахарных ват и шоколадных конфет с какао. Очень скоро тележка наполнилась. Папа приказал: «Манучехр! Еще одну тележку!»

— Не достаточно ли, папа? Мы же столько не едим!

— Никаких возражений. Всё это на полгода. А ты думал, что всё это израсходуется за раз, за один день? Когда ещё администрация снова выдаст нам эти кредитные карты!

— Я говорю... вдруг не хватит денег...

— Не бойся, в ней пятьдесят тысяч туманов (денежная единица в Иране — прим. пер.). А ты что думал? Не бойся ничего. Если Али — погонщик верблюдов, он знает, где ночевать верблюдам.

Когда мы пошли к месту, где стояли тележки, увидели много мужчин и женщин, которые, подобно голодным людям, хватали всё, что под руку попадётся, и бросали в тележку. Их эмоциональное состояние сильно отличалось от нашего. Я снова увидел ту же бесхозную тележку, подошёл к ней и посмотрел внутрь. Мне хотелось знать, кто её хозяин. Я немного её подтолкнул. Хотелось, чтобы хозяин сказал: «Мальчик, не трогай! У всего того, что ты видишь, есть хозяин». Но никого не было, каждый был сам по себе и занят своими делами. Вдруг

какая-то рука коснулась моего плеча.

— Что ты делаешь?

Я испугался, моё сердце ушло в пятки. Когда я повернулся, увидел, что это был папа. Он спросил: «Что случилось, почему ты бледный?»

Я ничего не сказал и опустил голову. Он не отставал.

— Какое твоё дело до тележки других?

— Просто. Мне хочется знать, кто это набрал.

— Кто бы это ни был, какое нам дело до него! Лучше было бы, если твоё любопытство проявилось по отношению к урокам, и ты дошёл бы до сути. Ладно, пошли в холодильный отдел.

— В холодильный?

Я последовал за ним. Холодильный отдел был местом, где стены состояли из витрин-холодильников и были заполнены продуктами: соус, масло, йогурт, сметана и тому подобное. Папа, увидев моё удивление, улыбнулся, как будто он был владельцем магазина: бери все, что хочешь и за маму и сестру тоже!

Я поблагодарил его про себя за то, что он доверил мне важную миссию, и я уставился на продукты в блестящих упаковках, которые манили меня. Пастеризованный сыр со вкусом грецкого ореха, со вкусом огурца, со вкусом помидора... Я еле справился со слюной, которая чуть была не вытекла и не опозорила меня.

Чуть дальше — пастеризованное молоко, пастеризованный йогурт, пастеризованный молочный напиток, пастеризованный творог и другие пастеризованные продукты. Бедный Пастор! Если бы он только знал, где используют его имя, изобретения и изобретатели давно забыты.

В мгновение ока эта тележка тоже была заполнена пастеризованными продуктами. Папа сказал: «Думаю, тебе стоит принести ещё одну тележку».

— Довольно, папа, подумай, как

все это увезём!

— Это на мне. Сегодня пятница, и автобусы пусты.

— О, Боже! Мы все это повезём на автобусе?!

— А что ты предлагаешь? Если бы такси принимали кредитную карту, я бы взял такси.

Я хотел сказать, что «ты нас задушил этой кредитной картой!» Но нет, я покачал головой и сказал: «Я очень устал за сегодня. Остальное можно купить в другой день».

— Почему бы и нет! В этом и заключается преимущество кредитной карты, а ты думал, это шутки?

Я глубоко вздохнул и направился к кассе. Но папа не сдавался. По дороге он взял банку с солёными огурцами и две банки любимых солений моей сестры Мины. Мы едва подошли к кассе, как он воскликнул: «О, Боже, забыл!»

Я понял истинное значение инфаркта. Потому что моё сердце остановилось.

— Что... что ты забыл?

— Резинку!

— Резинку?

— Да, твоя мама просила купить пачку резинки для штанов. Подожди здесь, я скоро.

Он оставил меня одну с двумя тележками, полными продуктов. Я поблагодарил Бога за то, что он забыл всего лишь резинку, а не свою кредитную карту. Не думал, что в этом магазине может быть и резинка. Когда он вернулся, с пачкой резинки я ликовал. Папа потряс ею в воздухе с торжествующей улыбкой и сказал: «Вот и резинка. Посмотрим, какие ещё у твоей матери найдутся оправдания не шить мне штаны». Пачку резинки он не бросил в тележку, а в руке покачал: «Ну, пошли в кассу, посчитаем».

Мы толкали наши тележки. Это было здорово! Я чувствовал, что все смотрят на нас и говорят про себя: «Что за люди!» Но, похоже, что нет, каждый был занят своим делом. Думаю, фургона на все эти вещи не хватило бы. Бог знает, как мы собирались теперь их отвезти на автобусе.

Мы стояли в конце одной из очередей в кассу. Перед нами было семь или восемь человек. Папа посмотрел на меня. Его губы были поджаты от смеха, я никогда не видел его таким счастливым. Он спросил: «Ну как ты?» Я ответил: «Как плов в тарелке». Этому ответу я научился у него и добавил: «Кажется, ты очень доволен!» Он улыбнулся: «А как же! Купили почти полмагазина, как не радоваться?»

Купить полмагазина! Ух ты, как мы облегчили полки! Я повернулся и посмотрел на величие магазина. К удивлению ничего не изменилось. Рабочие в зелёной спецодежде быстро заполняли полки. Я перевёл взгляд на кассу и увидел неприятную надпись. Не мог в это поверить, прищурил глаза, чтобы легко её прочитать. Я застыл в изумлении, как горилла в музее дикой природы.

— Папа, папа!

— Что с тобой? Тебе плохо?

— Там как будто написано...

— Где?

— Там написано... написано: «Приносим извинения за невозможность принятия кредитной карты в связи с поломкой аппарата».

Папа, бедняга, остолбенел. Его глаза расширились, он стал жевать усы: «Что это значит? Разве это возможно?» и направился к кассиру. Кассир сказал то же самое, что сегодня компьютер сломался, и так как сегодня пятница, отремонтировать его некому. И эти кредитные карты сегодня не действительны. Шум папы не оказал никакого воздействия. Он пошёл к менеджеру магазина, что было безрезультатно и бесполезно. Вернулся злым, как раскалённая сковорода без масла. Он вытащил тележки из очереди и медленно направился к полкам. Я последовал за ним и как человек, который хочет выразить свои соболезнования по случаю умершего отца, сказал: «Ничего страшного, это всего лишь переход в другой мир». Не знаю, почему я сказал эти неуместные

слова.

Папа приглушённым голосом сказал: «Эта страна, пропади она пропадом». Он говорил эту фразу всегда, когда у него возникали сложности с работой. Я спросил: «У тебя совсем нет денег?»

Он усмехнулся, остановился и показал мне свой бумажник. У него было несколько сотен рваных туманов и пачка автобусных билетов. Билеты выдаются их офисом.

— Что нам теперь делать? — спросил я.

— Проклятие! — сказал он, и на его губах снова появилась ухмылка, — Следуй за мной!

Я последовал за ним. Он толкал свою тележку, я свою и мы направились в укромное место, почти туда, где мы видели бесхозную тележку.

Когда мы вышли из магазина, мы отправились на остановку с пустыми руками в оцепенении и с расстроенными лицами. Папа положил пакет с резиной, который он купил за наличные из своего бумажника, во внутренний карман пиджака и сказал: «Это совсем не плохо. Мы ушли не с пустыми руками. Резинка штанов тоже нужная в быту вещь, не так ли?»

Что я мог сказать, кроме как: «Конечно!»

Прибывший автобус был переполнен. Мы втиснулись внутрь. Когда дверь захлопнулась, я краем глаза увидел, как он смеётся. Я догадался, о чём он думал. Он сказал: «Хорошо, что покупка не состоялась, а то со всем товаром...»

И снова засмеялся и я посмеялся. Я никогда не был так счастлив, от того что у меня ничего не было в руках. Он положил руку мне на плечо и сказал: «Как ты?»

— Как плов в тарелке. — ответил я.

Перевод М.Ш. Мамедовой

Ибрахим Хасан Бейги

Ибрахим Хасан Бейги родился в 1958 г. на севере Ирана, в провинции Горган. После армии, он возглавил радиовещание в своей провинции, позже продолжил свою деятельность в качестве эксперта по художественной литературе издательства «Школа» при отделе образования и просвещения. Всё это время Хасан Бейги не переставал заниматься творчеством, его многочисленные поездки по разным регионам страны, давали реальные материалы и сюжеты для новых рассказов. Среди его произведений

можно назвать следующие рассказы: «Признаки рассвета», «Пурпурные годы», «Красная сирена», «Как слеза», «Дядя Аббас», «Смотрящий на луну», «Бутон на ковре», «Фото на дереве», «Шесть оттенков одного крика» и роман «Мухаммед» (с).

Предлагаем вашему вниманию рассказы «Фото на дереве» и «Красная сирена» из сборника «Фото на дереве» в русском переводе Мамедовой М.Ш.

Фото на дереве

Чайхана была наполнена резким запахом трубки и кальяна. На изношенных деревянных скамейках сидело несколько деревенских мужчин. Они пили чай, курили кальян и говорили обо всём и обо всех. Это было их повседневное занятие, особенно поздней осенью, когда заканчивался рабочий сезон, и чайхана «Мурад Али» становилась пристанищем для безработных мужчин.

Гулам вымыл чайные стаканы и поставил их вверх дном на поднос. Он вытер руки не совсем свежим полотенцем на плече и вытянул шею из-за кипящего большого самовара, чтобы посмотреть на площадь.

За запотевшей стеклянной дверью ничего не было видно, всё было тускло и бесцветно. Но Гулам мог догадаться по шуму, доносившемуся с площади, что ребята играют. Всякий раз, когда его отец уходил по делам, ему приходилось оставаться в шумной и полной дыма чайхане и наливать чай. Он терпел плохое настроение

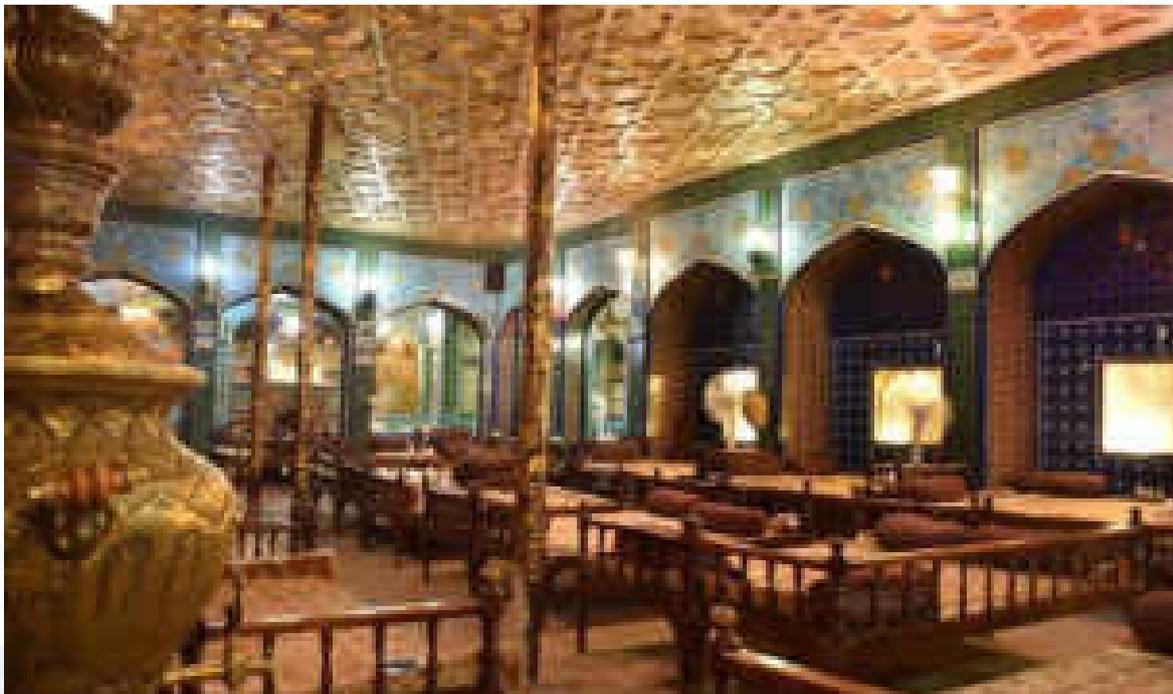
некоторых клиентов, и не реагировал на их слова.

Пока он думал об этом, один из клиентов слегка стукнул его по плечу. Гулам оторвал взгляд от двери и посмотрел в лицо старику, который протянул деньги за чай. Гулам взял деньги и с безразличием бросил их в кассу, снял полотенце с плеча и направился к двери. Открыв её, увидел отца. Гулам посторонился. Отец посмотрел на него и спросил: «Куда?»

Гулам на ходу сказал: «Сейчас вернусь!» Он не стал ждать, пока отец, как всегда, скажет: «Ступай домой и брось сено коровам». Увидев его, ребята перестали играть и воскликнули: «О, чайханщик пришёл». Гулам прислонился к дереву чинар, растущему в середине площадки, не обращая внимания на их слова. Он заправил подол штанов под носки и произнёс: «Давайте всё с начала. Я буду мастером, а вы две группы по четыре человека будете мне помогать!» Вскоре их шум заполнил площадь.

Гулам на ходу сказал: «Сейчас вернусь!» Он не стал ждать, пока отец, как всегда, скажет: «Ступай домой и брось сено коровам». Увидев его, ребята перестали играть и воскликнули: «О, чайханщик пришёл». Гулам прислонился к дереву чинар,

растущему в середине площадки, не обращая внимания на их слова. Он заправил подол штанов под носки и произнёс: «Давайте всё с начала. Я буду мастером, а вы две группы по четыре человека будете мне помогать!» Вскоре их шум заполнил площадь.

Солнце только что коснулось вершины горы и распространило свой оранжевый цвет по небу. Ребята перестали играть и сели у подножия чинара. Как обычно, шёл спор о победе и поражении, как вдруг на площадку въехали два мотоциклиста. Все головы повернулись к незнакомым людям, которых никто не видел в посёлке. Незнакомцы под удивлённые взгляды ребят обошли площадь и остановились у подножия чинара.

Гулам поднялся первым, стряхнул пыль со штанов и уставился на них. Оба незнакомца были молоды, на них были чёрные куртки. Гулам быстро догадался, что они, должно быть, приехали из города, так как у них был типичный городской вид. Они всё время оглядывались по сторонам.

Гулам ждал, что они что-то скажут или что-то спросят. Тот, кто сидел сзади, сошёл, сначала посмотрел

на чайхану, а затем стал разглядывать чинар, который был самым старинным деревом посёлка. Потом перевёл взгляд от дерева на ребят, стоявших и молча смотревших на него. Незнакомец улыбнулся и потянулся к дереву. Под взглядом ребят он сунул руку под куртку и вытащил сложенные листы бумаг. Взяв одну из бумаг, приколот её к стволу дерева.

Гулам был поражён фотографией «господина», он сделал шаг вперёд. Эту фотографию он видел раньше, в городе. Но то, что она теперь висела на дереве, растущем посреди посёлка, очень удивило его.

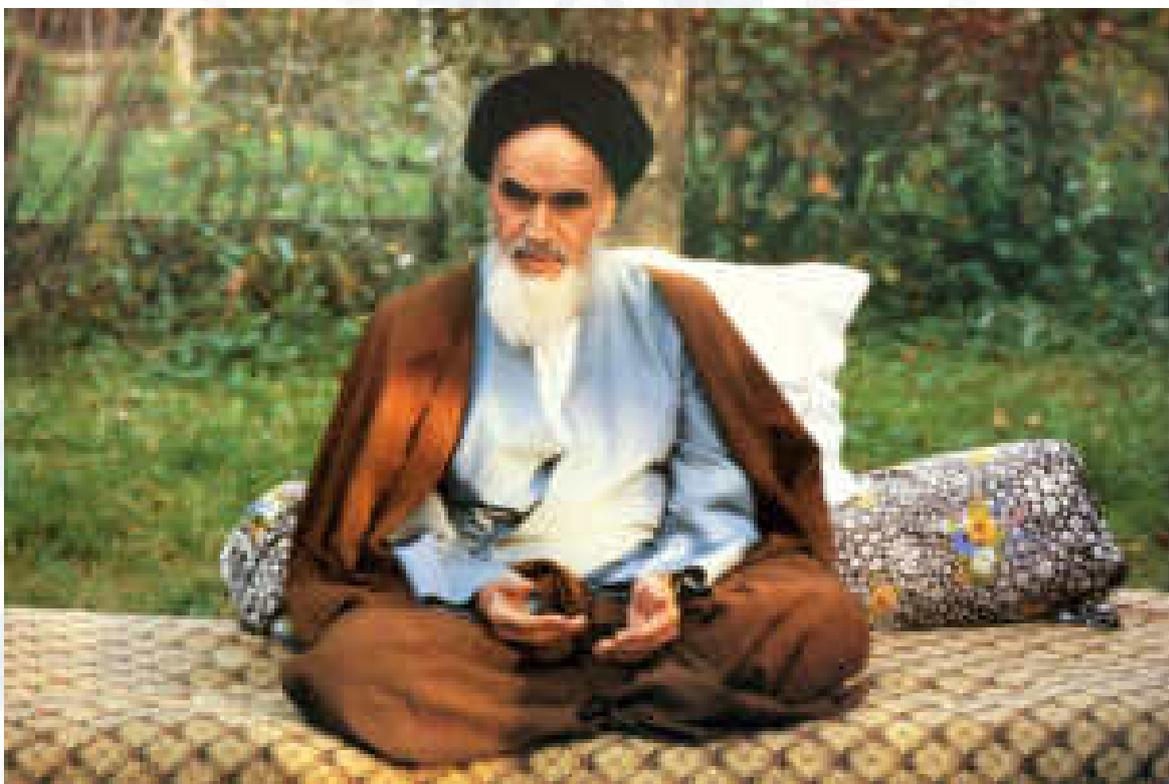
Гулам оторвал взгляд от фото и проследил взглядом за незнакомцем, который направился к чайхане. Мужчина, дойдя до чайханы, остановился. Прежде чем наклеить фотографию на стену, он посмотрел в дальний угол переулочка, не идёт ли кто.

В момент, когда он наклеивал вторую фотографию, из чайханы вышел Мурад Али, отец Гулама. Несколько человек последовали за ним из чайханы и удивлённо посмотрели на незнакомца. Незнакомец наклеил последнюю фотографию, окинул взглядом жителей посёлка и направился к мотоциклу. Звук мотоцикла нарушил тишину посёлка, и густой дым заполнил площадь. Мотоцикл взревел и уехал.

На мгновение все замерли. Приезд и отъезд незнакомцев произошёл так быстро, что сбил всех с

толку. Особенно тех, кто раньше был знаком с фотографией «господина», теперь они недоверчиво смотрели на неё. Ведь до того дня никто не осмеливался на такой поступок.

Постепенно голоса мужчин стали громче. Одни обрадовались фотографии (Имама Хомейни, лидера Исламской революции в Иране — прим. пер.), другие с беспокойством переглянулись. Однако у всех мужчин возник вопрос, угадать который можно было по их глазам, что, если придут жандармы?

Человек, который больше всего волновался и не сводил глаз с фотографии, был отец Гулама. Как и все, он думал о патрульной службе. Он знал, что рано или поздно старшина Ахмади придёт на площадь со своими солдатами, а отвечать придётся только ему. Так как две большие фотографии были наклеены на стену его чайханы. Мурад Али не хотел убирать фотографии со стены, но и не смог бы дать убедительный ответ старшине Ахмади.

Стоящий рядом старик оторвал взгляд от фотографии и сказал: «Мурад Али! Что ты собираешься делать с этими фотографиями? Если придёт старшина Ахмади, он шкуру спустит с нас!»

Прежде чем, Мурад Али успел ответить, один из молодых людей громким голосом, чтобы все слышали, сказал: «Ну, пусть придёт! Не мы их приклеили, тут нет нашей вины, а вот если он мужчина, пусть найдёт этих двух незнакомцев!»

Д р у г о й м у ж ч и н а ,
стрихающий пепел из своей трубки,
сказал: «Не нужно, чтобы старшина
Ахмади видел здесь эти фотографии.
Вы знаете его мерзкий характер! Он
такой шум поднимет, что не сносить
головы! Лучше снять их и ночью
наклеить где-нибудь в другом месте».

Молодой человек возразил: «Это
не правильно, лучше пусть они
останутся здесь. Если придёт
старшина, мы скажем ему правду».

Постепенно спор между людьми
обострялся, каждый высказывал своё
мнение. Всё это время Гулам и ребята
стояли у подножия чинара и слушали
их. Гулам чувствовал, что у отца
назревают неприятности. Хотел
подойти к нему с просьбой: «Дай мне
фотографии, я наклею их в нашем
школьном дворе!»

Но отец так задумался, что не
обращал никакого внимания на

происходящее вокруг. Постепенно
людей становилось больше. Те, кто
находились в своих домах и не знали о
фотографиях, вышли на площадь,
чтобы посмотреть на них.

Уже солнце скрылось за горой,
приближалась ночь, но на площади
было полно людей. Мурад и ещё
несколько человек вошли в чайхану и
стали обсуждать, чем закончится вся
эта история с фотографиями.

Гулам прислонился спиной к
чинару, где висела фотография, и стоял
так, словно не хотел, чтобы кто-то
прикасался к ней. Он смотрел на улицу,
все его внимание было сосредоточено
на старшине Ахмади, который, если
придёт, то перевернёт всю площадь с
ног на голову. Как это было в прошлый
раз, когда он увидел на стене лозунг
«Смерть шаху» и взорвался от гнева,
проклиная всё и всех, при этом тряся
двойным подбородком.

Вдруг послышался звук джипа
жандармерии. Головы всех повернулись
в сторону улицы. Когда джип подъехал,
люди расступились и открыли дорогу.
Джип остановился возле дерева. Все
взгляды были прикованы к старшине
Ахмади, который выйдя из машины,
положив руки на пояс, посмотрел на
фотографию на дереве. Никто не
шевелился, даже Гулам стоял
неподвижно и смотрел в круглые
выпученные глаза Ахмади, на его
густые брови и пышные усы, свисавшие
с обеих сторон его рта.

Старшина Ахмади повернул
голову назад. Двое солдат, которые
сидели на заднем сиденье джипа тут же
спрыгнули и с прислонёнными к груди
винтовками встали за спиной
старшины. На площади было так тихо,
словно там никого не было. Все молча
смотрели на старшину Ахмади.

Тот двинулся с места. Ребята,
стоявшие перед деревом, медленно
отступили и дали дорогу. Старшина
Ахмади встал напротив Гулама. Он

отвёл взгляд от фотографии и устался
на Гулама, который дрожал от страха.
Он слышал стук своего сердца. В горле
пересохло, а грудь поднималась и
опускалась. Ранее он думал устоять
перед старшиной Ахмади и не
позволять ему отодрать фотографии, но
почувствовав на себе тяжесть его
взгляда, так испугался, что от страха не
мог даже пошевелиться.

Старшина Ахмади убрав руку с
пояса, внезапно схватил Гулама за руку
и притянул к себе. Гуламу на какое-то
мгновение показалось, что он
проснулся от ужасного сна, будто
убегал от хищника. Ему хотелось сесть
на землю и закрыть глаза.

Старшина Ахмади протянул
руки вперёд, казалось, он собирается
схватить Гулама, но подняв руку выше,
через его голову, снял фотографию с
дерева. Поднеся фото к лицу, взглянул
на него, затем разорвал его пополам,
скомкал своими большими пальцами и
швырнул на землю. Потом не торопясь
направился к чайхане. Его лицо было

спокойным, в глазах не было гнева, даже брови не были сдвинуты.

Деревенские мужчины отошли назад, освобождая площадку перед чайханой. Они стояли вокруг площади, плотно прижимаясь, друг к другу. И только Мурад Али хладнокровно и спокойно стоял перед своей чайханой, наблюдая за приближающимся старшиной. Старшина Ахмади остановился перед чайханой. Сначала он посмотрел на фотографии, а затем повернулся к Мурад Али и спросил: «Кто наклеил сюда эти фотографии?»

Мурад Али переставил ногу с одной на другую и опустил голову. На этот раз старшина Ахмади так громко крикнул, как будто хотел, чтобы все услышали: «Я с тобой разговариваю, ты что глухой? Я спрашиваю, кто наклеил эти фотографии перед твоей чайханой?»

Мурад Али поднял голову и посмотрел на жирное лицо старшины Ахмади, которое так побагровело, что казалось вот-вот брызнет кровь. Его зубы были стиснуты вместе, а ресницы дрожали от ярости. Мурад Али, который больше не мог выдержать тяжести его взгляда, заговорил: «Было два человека, г-н Ахмади. Они приехали на мотоцикле, оба были незнакомцами. По виду городские, наклеили фотографии, и уехали».

Старшина Ахмади прикусил уголок усов и начал жевать. Он несколько раз покачал головой и сказал: «А ты стоял и спокойно смотрел, как двое бездельников приехали из города, наклеили фотографии перед твоей чайханой и убралась к чертям!»

Спокойно произнесённые слова старшины Ахмади придали некоторую уверенность Мурад Али: «Господин, нам нет дело до других, мы же не чиновники, ей Богу».

Рука старшины Ахмади так отпечаталась на лице Мурад Али, что его голова коснулась плеча, он потерял равновесие и как срубленное дерево, отшатнулся назад. Но прежде чем

упасть, он ударился о дверь чайханы и разбил стекло. Когда люди слышали звук бьющегося стекла, поднялся шум. Старшина Ахмади схватил Мурад Али за воротник пиджака и притянул к себе.

Всё это время Гулам стоял и смотрел на них, как будто ему снится сон. Он с тревогой наблюдал за своим отцом, который пытался высвободиться из рук старшины. В своих мыслях Гулам, взявшись за воротник рубашки старшины Ахмади, бил его спиной об стену. Он с такой силой наносил удары по его лицу, что его лицо и одежда стали красными от крови!

Старшина Ахмади передал отца Голама двум солдатам, которые стояли в нескольких шагах от него, и начал кричать и угрожать, что «покажет ему, где раки зимуют! Передам тебя в руки тем, кто спустит шкуру с тебя. На него посмотрите, он тоже стал сообщником диверсантов!»

Старшина так долго говорил и кричал, что у него пошла пена изо рта. Наконец, он устал и замолчал, сделал несколько глубоких вдохов и вытер пот со лба. Потом снял фотографии со стены и подошёл к джипу. Солдаты, державшие Мурад Али за руку с обеих сторон, потащили его к машине и усадили в неё. Старшина Ахмади встал на подножку джипа и крикнул людям: «Что стоите, что уставились на меня?! У вас нет других дел, убирайтесь домой! Все вы одинаковы, проклятые диверсанты».

Сказав это, он сел в машину. Не было ни одного звука. Единственным звуком был шум джипа патрульной службы, который, объехав площадь, уехал под изумлённые взгляды людей.

Гулам, который только что пришёл в себя, пробежал несколько шагов за джипом, поднял с земли камень и швырнул в него. Но джип уже свернул с улицы и исчез. Он опустился на колени и сел, ему хотелось рыдать. Вдруг он почувствовал чью-то руку на своём плече. Подняв голову, увидел, что это рука старика, который сказал:

«Вставай, Гулам! Вставай, сынок! Иди, потуши самовар и закрой чайхану!»

Люди уходили один за другим, площадь постепенно опустошалась. Гулам встал и направился к чайхане. При этом его взгляд упал на дерево, у подножия которого, все ещё валялась

рваная и смятая фотография. Вдруг его осенила мысль. Он тут же подошёл туда, поднял фотографию и быстро положил её в карман.

Из громкоговорителя мечети доносился звук призыва к молитве: «Аллаху Акбар, Аллаху Акбар...»

На следующее утро, люди, проходящие мимо площади, увидели на чинаре наклеенную фотографию «господина». Казалось, он им улыбался...

Перевод М.Ш. Мамедовой.

Красная сирена

Был вечер. Отец взял лопату и кирку и сказал:

— Куда? Опять идёшь играть?

Я поднял свой резиновый мяч с земли и сказал:

— Я ненадолго, уроки уже сделал.

— Сейчас не время играть, — сказал отец, воткнув лопату в землю. — Вместо того чтобы играть, подойди и помоги построить убежище.

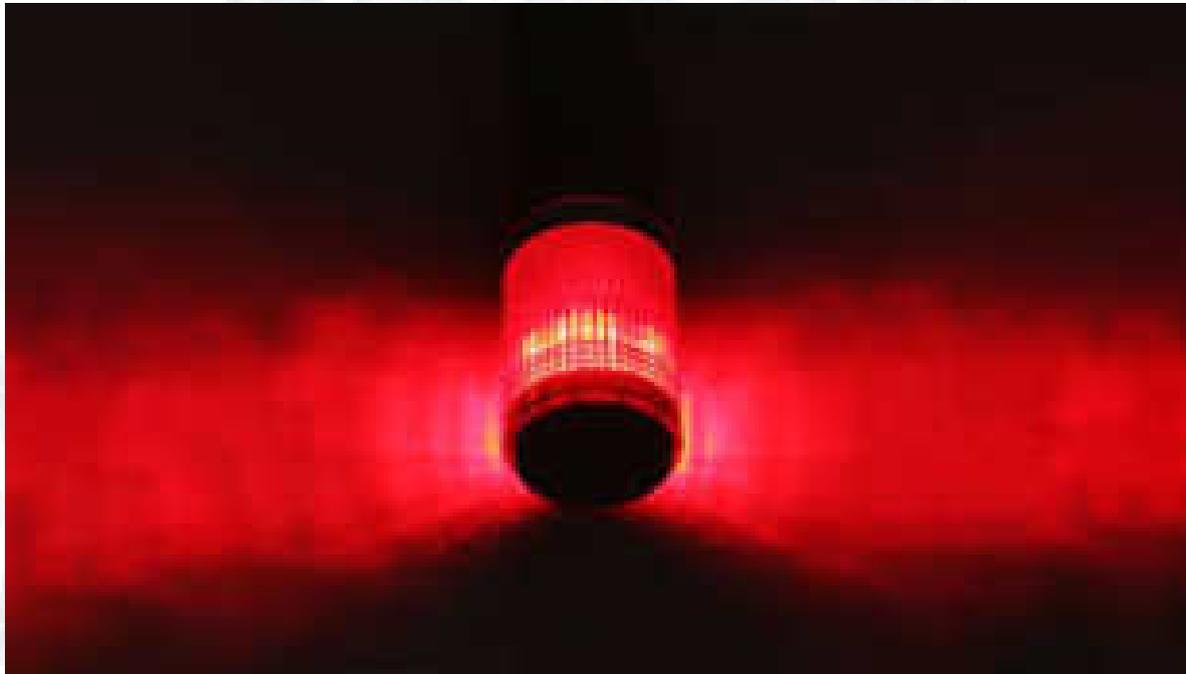
— Построить убежище? На нашем заднем дворе? Зачем?

Он удивлённо посмотрел на меня:

— Ты хочешь сказать, ты не знаешь, для чего строится убежище?! Если прилетят иракские самолёты, где мы спрячемся? Все люди строят убежища в своих дворах, почему бы нам не построить?

Тем временем, мать вышла из комнаты и обратилась ко мне:

— Отец прав, Маджид. Ты же не ребёнок. Помоги отцу построить убежище!

Они были правы, уже давно иракские самолёты бомбили город. Я очень боялся красной сирены. Но в тот момент мне не хотелось копать землю. Мы должны были играть с Хусейном и Ахмадом в футбол. Я взглянул на отца, он, согнув спину и тяжело дыша, копал землю. Мать поставила большой поднос с посудой у бассейна и спросила:

— Что за траурный вид у тебя? Ступай, помоги отцу!

Я несколько раз подбросил мяч в воздух и безразличным тоном, отрезал:

— Я не боюсь бомбёжек, зачем нам убежище?

Мама удивлённо посмотрела на меня и воскликнула:

— Ах, ты не боишься, значит? Тогда почему у тебя руки и ноги дрожали в последний раз, когда прилетали самолёты? Не говори, что не боюсь, скажи что, мы хотим поиграть!

— Я же пообещал друзьям.

— От игры нет никакой пользы. Посмотри на отца! Он только что вернулся уставший с работы. Нужно ему помочь.

Отец выпрямился и сказал:

— Пусть идёт! Я сам всё сделаю, мне никто не нужен.

Я был доволен словами отца, в то же время, мне было неловко. Прежде чем мама успела что-то сказать и помешать мне уйти, я выбежал со двора и вышел в переулок, не попрощавшись.

Я опаздывал в школу. Быстро завязал ботинки и побежал на улицу. Когда вошёл во двор школы, то был удивлён тем, что увидел. Постояв немного, огляделся. В школьном дворе большой жёлтый экскаватор рыл огромную яму, а землю собирал в угол.

Только что прозвенел школьный звонок. Но никто не расходился, все ребята собрались на одной стороне двора и смотрели туда, где работал экскаватор.

Я подошёл к ним и остановился в углу. Завуч школы встал на ступеньках и что-то сказал, но его не было слышно. Для усиления звука, ему пришлось сложить ладони рупором. Тогда до нас дошли следующие слова: «У нас сегодня не будет линейки, все, кроме семиклассников, идут в классы! Остаётся седьмой класс. Есть работа для вас».

За исключением нас, которые учились в седьмом классе, остальные шумно и без строя пошли в свои классы. Ахмад, стоявший рядом со мной, спросил:

— Маджид, как ты думаешь, что за работа у них для нас? Почему мы не идём в класс?

— Я думаю о том же. Может, наш учитель не пришёл?

— Первый урок — математика, — сказал Ахмад, — г-н Хосейни здесь, я сам видел.

Прежде чем он смог продолжить, к нам подошёл завуч. Он собрал всех вокруг себя и сказал:

— Первого урока не будет. Вы должны помочь убрать эти кирпичи с той стороны и сложить их у этой стены. Всем следует сообща взяться за работу, чтобы закончить скорее строительство убежища. Г-н Хосейни и я поможем

В ушах звенел голос матери:

— Будь осторожен, Маджид! Возвращайся скорее!

— Хорошо, я скоро вернусь! — уходя, крикнул я.

вам. Ну, Бог в помощь, приступайте к работе!

Мы все следовали за завучем. Ахмад, который был рядом со мной, взял меня за руку и сказал:

— Отлично, не будем заниматься.

— Но мне не нравятся такие дела.

— Какие это такие дела? Это разве работа, каждый возьмёт по кирпичику и делу конец.

— Пусть работают те, кто боится иракских самолётов, а я ничего не боюсь.

— Так скажи, что ты боишься работы, — Ахмад удивлённо посмотрел на меня.

Прежде чем я успел ответить, завуч подошёл к нам и недовольно сказал:

— Почему вы стоите? Я с вами. Быстрее. У нас мало времени.

Я сразу нагнулся и взял сломанный кирпич. У меня совсем не было желания работать, хотелось посидеть в углу и посмотреть, как работает экскаватор.

Я недовольно схватил кусок кирпича и понёс его. Один из ребят громко крикнул:

— Ребята, посмотрите на Маджида, какой большой кирпич он поднял! — затем засмеялся и добавил — Осторожно, как бы очень тяжёлый кирпич не упал тебе на ноги!

Несколько ребят посмотрели на меня и громко засмеялись. Я тоже засмеялся, чтобы завуч не увидел, как я «стараюсь». Таким образом, я каждый раз брал один или два куска кирпича, нёс на другую сторону двора и бросал их на другие кирпичи. Мне хотелось, чтобы и время быстрее прошло, и я не

устал. Как же, вчера не помог отцу, тут что ли буду надрываться?!

Первый урок прошёл так. Только иногда, когда я видел, что завуч или г-н Хосейни замечали, как я отлыниваю, тогда я хватал два или три куска кирпича. Работа была сделана, и так как я работал меньше всех, я совсем не устал. Я помыл руки вместе с другими. До звонка оставалось несколько минут. Ахмад, стоявший рядом со мной, сказал:

— Ну, Маджид, здорово ты выкрутился!

Я засмеялся и сказал:

— Не люблю бесполезную работу. Самолёты ведь бомбили всего несколько раз. Зачем такой ажиотаж, зачем столько хлопот, из-за чего?

— А что, если они снова начнут бомбить, где мы будем укрываться?

— Нигде. Останемся на своих

На строительство убежища ушло не больше недели. За это время мы ещё несколько раз помогали рабочим. Каждый раз я пытался хоть как-то отвертеться от работы, придумывая разные оправдания. Однажды я притворился больным, в другой раз спрятался за школьный двор, пока не прозвенел звонок.

В тот день утром, когда мы пришли в школу, убежище уже было готово. На линейке завуч рассказал о важности убежища и поблагодарил наш класс за помощь в его строительстве. В конце он попросил всех, о том, чтобы при сигнале красной сирены все спокойно, не торопясь, и не толкая друг друга, пошли в убежище. После выступления завуча мы пошли в класс.

Ахмад, сидевший рядом со мной, сказал:

— Наконец-то убежище построено. Но ты хорошо выкрутился.

— Пусть оно полностью будет твоим, я туда не пойду, даже если прилетят самолёты, — ответил я.

— Ты так думаешь? Пусть прилетят самолёты, тогда посмотрим! — засмеялся он.

местах, пока не закончатся бомбёжки.

— Как в прошлый раз, когда ты спрятался под стол, как только услышал сигнал красной сирены?! — засмеялся Ахмад.

— Когда?! Я?! Спрятался под стол?!

— Да, ты. Забыл, что от страха весь побледнел, и как дрожал твой голос?!

Я хотел возразить ему, что он ошибается, я ничего не боялся, но подумав, что на самом деле он прав, твёрдо сказал:

— Больше не буду бояться.

— Вот и посмотрим, кто больше боится, я или ты?

Я прислонился спиной к стене и уверенно произнёс:

— Посмотрим! Я ничего не боюсь, ничего.

— Хорошо, посмотрим!

Когда г-н Хосейни вошёл в класс, мы все замолчали. Перед тем, как приступить к уроку, он рассказал, о том, как при красной сирене мы должны спокойно и без паники направиться в убежище. Но мои мысли витали далеко, я думал о том, что отец все ещё не смог построить убежище, он даже не закончил рыть яму. Когда у него заболела спина, он на несколько дней приостановил работу. Хотел бы я помочь своему отцу! Мама очень боится красной сирены. Теперь, если прилетят самолёты, им негде будет укрыться.

Г-н Хосейни только начал урок, как внезапно из школьного динамика раздался сигнал красной сирены. Мы все соскочили со своих мест. Ребята с передних парт, бросились к двери. Голос г-на Хосейни, который кричал «не торопитесь, спокойно», потерялся в шуме. Я, оттолкнув Ахмада, собиравшего свои книги, поспешил к выходу. Мне было очень страшно. Стоял такой шум, что никто не обращал внимания на слова завуча «помедленнее, помедленнее».

Я пытался вырваться вперёд и быстрее забежать в убежище. Звук красной сирены был настолько громким и устрашающим, что сотряс всё моё тело. Вдруг, когда спускался по лестнице, я поскользнулся и упал. Ударился лбом о край лестницы и сразу почувствовал сильную боль в голове. Несколько человек пробежали по мне, но я встал.

У меня так сильно болела голова, что я не обращал внимания на боль в руках и ногах. Не знаю, как я спустился по лестнице убежища, там горел свет. Ребята стояли, прижавшись, друг к другу. Некоторые руками закрывали голову и уши. Я больше не боялся красной сирены. Мой лоб все ещё болел, я рукой прикоснулся лба, рука промокла. Сначала мне показалось, что это пот и вытер его тыльной стороной руки. Тут один из ребят сказал: «Из твоей головы течёт кровь».

Удивлённо посмотрев на свои руки, я обнаружил, что они в крови. Я тут же вытащил из кармана пиджака платок и положил на лоб. Теперь он болел сильнее, болели и кости в коленях. Ахмад, толкая ребят, выдвинулся вперёд, встал передо мной и спросил:

— Что случилось, Маджид, почему течёт кровь из твоей головы?

Я хотел сказать, что упал, но промолчал. Чтобы остановить кровь, мне пришлось руку крепко прижать ко лбу. Между тем, у входа послышался голос завуча: «Все ребята, отбой, выходите!»

Мы вышли из убежища, заметив

меня г-н Хосейни с упрёком сказал: «Ты слишком торопился. Если ты так боишься, почему сидел за последней партой?»

Затем он взял меня за руку и повёл в учительскую. Он достал из аптечки вату и повязку и сказал: «Это была всего лишь учебная тревога. Как ты поведёшь себя, когда услышишь звук самолётов?»

От этих слов г-на Хосейни, я оцепенел. Это была всего лишь учебная тревога! Почему я так испугался?

Я ненавидел себя. Вспомнил слова Ахмада. Я больше не смог смотреть ему в глаза. Что если бы моя мама увидела меня в этой ситуации? Что ответил бы отцу? Жаль, что это была не настоящая тревога! Может, тогда у меня было бы хоть какое-то оправдание.

Г-н Хосейни перевязал мне рану и, положив руку мне на плечо, сказал: «А теперь иди в класс! В следующий раз, когда услышишь красную сирену, не спеши, будь осторожен, понял?»

Я кивнул головой и не торопясь отправился в класс. Что скажут ребята, когда увидят мою повязку на голове? Как мне не хотелось идти в класс и встретиться взглядом с Ахмадом!

Когда прозвенел последний звонок, я уже принял решение. Вернувшись домой, бросил книги в зале и поздоровался с мамой, которая была на кухне. Вышел во двор, взял лопату и спустился в яму, которую выкопал отец. Земля была очень твёрдой. Пришлось сначала копать землю киркой, а потом лопатой выбрасывать землю наверх.

Я работал, когда услышал звук двери, знал, что это отец. Я был к нему спиной, не поднимая головы и не переставая работать, поздоровался с ним. Он ответил на моё приветствие и воскликнул: «О, какой сюрприз! С каких пор г-н Маджид стал работать!»

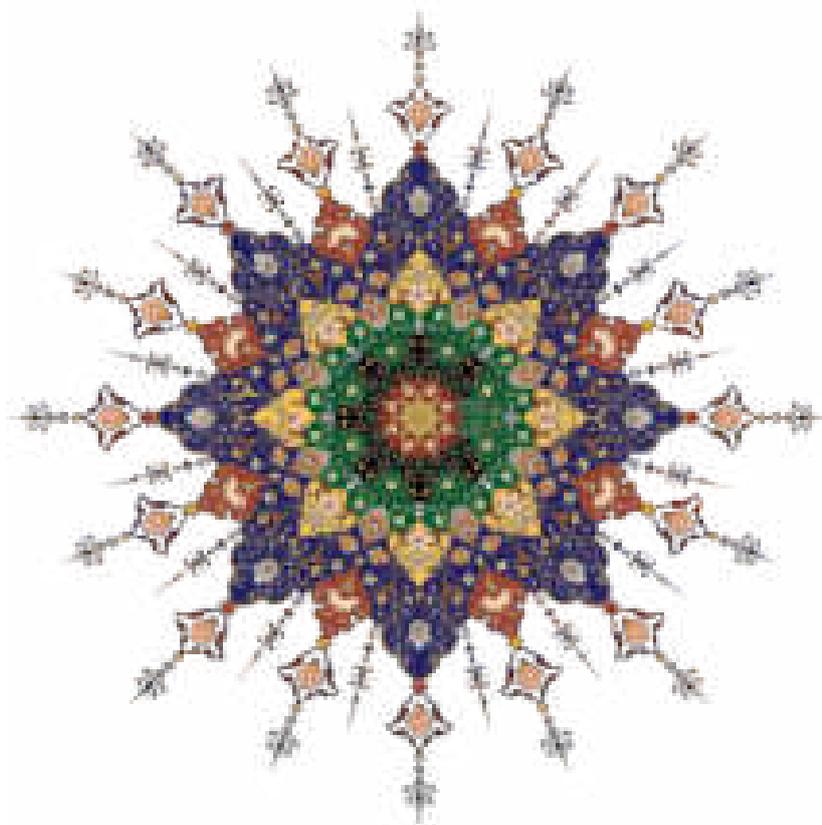
Я выпрямился и повернулся к нему лицом. Увидев моё лицо, он спросил:

— А что случилось с головой? Зачем ты её перевязал?

— Ничего, — сказал я, смеясь, — упал с лестницы. Нам нужно достроить убежище!

— Погоди, я сейчас! — сказал отец с улыбкой. И мы оба громко рассмеялись.

Перевод М.Ш. Мамедовой.

چرا میراث؟

رایزنی فرهنگی سفارت ج.ا.ایران در قرقیزستان از آغاز سال ۱۳۹۸ شمسی نسبت به تهیه و انتشار دوهفته نامه فارسی «جامعه و فرهنگ قرقیزستان» در چارچوب دستورالعمل رصد و پایش محیطی مرکز مطالعات راهبردی روابط فرهنگی سازمان فرهنگ و ارتباطات اسلامی اقدام نموده است. نمایندگی مذکور با توجه به خلائای موجود در معرفی جامعه و فرهنگ ایران و ایران امروز به جامعه مخاطب روس و قرقیز زبان؛ از آغاز سال ۱۳۹۹ (مارس ۲۰۲۰ میلادی) ضمن تداوم انتشار دو هفته نامه فارسی؛ همزمان نشریه دیگری را با نام «میراف» برای معرفی «جامعه و فرهنگ ایران» به زبان های روسی و قرقیزی تهیه و منتشر می نماید. □

در این ماهنامه تلاش می شود گزارش ها و مطالب شاخص در حوزه فرهنگ؛ ادبیات و هنر ایران؛ دستاوردهای انقلاب اسلامی و ایران امروز؛ شخصیت ها و مفاخر فرهنگی؛ هنری و ادبی ایران زمین؛ همکاری ها و اشتراکات فرهنگی ایران و قرقیزستان و نیز برخی خبرهای مربوط به فعالیت ها و برنامه های رایزنی فرهنگی ج.ا.ایران در قرقیزستان به زبان های روسی و قرقیزی ترجمه و در اختیار مخاطبان قرار گیرد.

امیدواریم با ارائه دیدگاه ها؛ نقطه نظرات؛ پیشنهادات و انتقادات ما را در جهت هرچه پربارتر و کیفی تر شدن مطالب نشریه یاری فرمایید.

سر دبیر

ماهنامه «جامعه و فرهنگ ایران»

میراث

نشریه الکترونیکی روسی - قرقیزی
رایزنی فرهنگی سفارت ج.ا.ایران در قرقیزستان
سال سوم - شماره ۲۸ - خرداد ۱۴۰۱

ویژه نامه

«نثر معاصر ایران»

ترجمه دکتر ملاحت مامداوا
رئیس مرکز ایرانشناسی خیام دانشگاه اسلاوی قرقیزستان

فهرست مطالب این شماره:

نثر معاصر ایران

وجیهه علی اکبری سامانی

«ایستگاه آخر» از مجموعه داستان «تو را من چشم در راهم»
«صفحه غم انگیز زندگی» از مجموعه داستان «تو را من چشم در راهم»

شمسی خسروی

«فاصله» از مجموعه داستان «عطش و آتش»
«کرم ها در لجنزار می میرند» از مجموعه داستان «عطش و آتش»

سمیرا اصلان پور

«وقتی که با تو نبودم» از مجموعه داستان «افسانه نهال و خورشید»
«فرود سپید کبوتر نیمه شب» از مجموعه داستان «افسانه نهال و خورشید»

فرهاد حسن زاده

«دختر کلوچه های نخودچی» از مجموعه داستان «یک شب از هزار شب»
«کش، فقط کش تنبان!» از مجموعه داستان «یک شب از هزار شب»

ابراهیم حسن بیگی

«عکس روی درخت» از مجموعه داستان «عکس روی درخت»
«آزیر قرمز» از مجموعه داستان «عکس روی درخت»

ماهنامه «جامعه و فرهنگ ایران»

میراث

سال سوم - شماره ۲۸ - خرداد ۱۴۰۱

ویژه نامه «سر معاصر ایران»

کتابخانه ملی و اسناد ملی ایران
National Library and Archives of Iran
پلاک ۱۰۰، خیابان ولیعصر، تهران ۱۹۵۱۴